

Дозволено Духовною цензурою. Кієвъ. 28 Сентября 1876 г. цензоръ

Протоіерей *М. Богдановъ.*

ИСТОРИЯ АѦОНА.

ЧАСТЬ II.

АѦОНЪ ХРИСТІАНСКІЙ, МІРСКІЙ.

I. Преданія о началѣ христіанства на АѦонѣ. II. Судьба сей горы съ 309 года по 676-й. III. Оправданія исторіи АѦона мірскаго.

Преданіе достопочтенно. Но умѣйте понять и пересказать его.

Порфирій.

І

Монашескія, устныя и письменныя, преданія о началѣ христіанства и монастырей на Аѳонѣ, и сужденія о нихъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преданія о пришествіи Богоматери на Аѳонъ, и о проповѣди апостола Павла въ тамошнемъ городѣ Аполлоніи. Сужденіе объ этихъ преданіяхъ.

§ 1. *О необходимости повѣрки церковныхъ преданій.*

Мы уже знаемъ, что на Аѳонѣ нѣтъ ни одного памятника, ни металлическаго, ни каменнаго, ни нарѣзнаго на скалахъ, который свидѣтельствовалъ бы о существованіи тамъ христіанства въ первые три вѣка, протекшіе послѣ Рождества Христова; знаемъ и то, что на этой горѣ еще въ 321 году христіанскомъ идолопоклонникъ Германъ Иракль изготовилъ себѣ каменную гробницу. Но ни эта языческая гробница, ни отсутствіе христіанскихъ памятниковъ рукотворенныхъ еще не даютъ намъ повода заключать, что раѣе, или послѣ 321 года не было христіанъ на Аѳонѣ. Первые памятники ихъ могло истребить всеразрушающее время; а можетъ статья, они и существуютъ тамъ въ подземельныхъ усыпальницахъ искусственныхъ, на примѣръ, подлѣ города Ерисса, но пока никѣмъ неоткрыты; что же касается до гробницы Германа, то она доказываетъ только то, что въ 321 году были язык-

ники на Аѳонѣ: но тогда же могли быть тамъ и христіане, потому что въ это время имя Христова прославлялось во всей Македоніи и въ столицѣ ея Ѳессалоникѣ, съ которою Аѳонъ, по своей близости къ ней, имѣлъ постоянныя сношенія, торговыя и судебныя. Притомъ не одни рукотворенныя памятники свидѣлствуютъ о быломъ: свидѣлствуютъ о немъ и преданія живаго народа, устные и письменныя. Есть ли же хоть одно такое преданіе о началѣ христіанства на Аѳонѣ?

Есть, да и не одно. Аѳонскіе монахи повторяютъ нѣсколько старинныхъ преданій о началѣ его, и показываютъ книги и тетради, въ которыхъ онѣ записаны. Но достовѣрны ли эти преданія? подтверждаются ли непрерывною преемственностію жителей Аѳона и тамошними дѣписаніями, какъ то, царскими и патриаршими грамотами, судебными дѣлами и четь-минейными сказаніями? не противорѣчатъ ли имъ? не выдуманы ли намѣренно? не основаны ли на сновидѣніяхъ, принятыхъ за откровенія свыше, что иногда бываетъ у монаховъ? не искажены ли? не должны ли быть понимаемы въ переносномъ смыслѣ? оправдываются ли византійскими историками? не отвергаются ли здравомыслящими и учеными Аѳонитами, какъ выдумки, сочиненныя для корыстнаго поддержанія Аѳона и для прославленія нѣкоторыхъ монастырей тамъ, будто бы современныхъ Константину Великому и даже апостоламъ и Богоматери? А книги, въ которыхъ записаны оныя преданія, не содержатъ ли въ себѣ пустые толки простодушныхъ монаховъ? Да и древни ли эти книги? и есть ли въ нихъ ссылки на подлинныя древнѣйшія дѣписанія, которыхъ весьма много въ монастыряхъ Аѳонскихъ?

Вотъ вопросы, которые надобно рѣшать при обсужденіи всѣхъ тамошнихъ преданій, рѣшать основательно и добросовѣстно! Безъ рѣшенія ихъ повѣствованіе о началѣ христіанства на Аѳонѣ не возбудитъ въ умныхъ людяхъ ни вниманія, ни довѣрія къ историку, и будетъ причислено къ разряду тѣхъ повѣстей, кои выдумываетъ *fraus ria*, благочестивая ложь іезуита. А меня и всѣхъ насъ да избавитъ Богъ отъ іезуитства! Мнѣ сколько пріятно го-

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Событія на Аѳонѣ съ 2500 года до Рождества Христова по четвертый вѣкъ христіанскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О названіяхъ, мѣстоположеніи, длинѣ, ширинѣ, высотѣ и видѣ Аѳона, покрываемаго снѣгомъ.

§ 1. О названіяхъ Аѳона и ихъ значеніи.

Пресловутая гора, о которой начинаются рѣчи мои, называлась Акти, Аѳось и Аѳонъ ¹⁾. Когда греки говорили Акти, тогда разумѣли узкую часть материка, далеко вдающуюся въ море и омываемую имъ съ обѣихъ сторонъ. Точно такъ Аѳонъ. Это длинный рукавъ гористой земли среди Эгейскаго моря, слѣдовательно Акти. Первое названіе этой горы понятно, а второе не объяснимо.---Стефанъ Византійскій и Варинъ полагали, что она названа Аѳономъ по имени исполина Аѳоса, который былъ сынъ Посидона и Родопы Стримонской ²⁾. Я усвою это мнѣніе ихъ. Известно, что въ первобытныя времена существовали исполины и имѣли собственные имена, на примѣръ: Энакъ, Огъ, Голаѳъ. Известно, что нѣкоторые изъ нихъ жили близъ Аѳона у Эгейскаго моря, на островѣ Имбросѣ и на Кассандрекомъ полуостровѣ, который первоначально назывался Флегра ³⁾. Не мудрено же имъ было перейти и на эту гору изъ сосѣдней Ѳракіи съ высотъ Родопскихъ. Отъ перваго вождя ихъ, по имени Аѳоса, и они всѣ

назвались Аэонцами, и самая гора получила его имя. А что значитъ Аэось, или Аэонъ, этого не объяснилъ ни одинъ древнѣйшій писатель; не берусь объяснять и я, зная отъ философа Платона, что въ еллинскомъ языкѣ много иностранныхъ словъ, которыхъ корней не понимали и сами еллины ⁴⁾.

§ 2. О мѣстности Аэона и размѣрахъ его.

Аэонская гора, по астрономическимъ вычисленіямъ Птолемея ⁵⁾, лежитъ подъ 51° 41' 10". Омываемая съ двухъ сторонъ Эгейскимъ моремъ, она есть длинный полуостровъ, соединенный съ материкомъ Македоніи посредствомъ низменнаго, но холмистаго, перешейка длиною въ 12 стадій ⁶⁾, а шириною не много менѣе версты. Длина же всей этой горы, начиная отъ перешейка до высочайшаго конца ея, измѣряется 75,000 шагами (аршинами) съ одной стороны, да равнымъ числомъ шаговъ съ другой стороны, а вокругъ 150,000 шагами ⁷⁾, на нашу мѣру 50 верстами вдоль одного бока ея, да 50 вдоль другаго бока, вокругъ же 100 верстами. Ширина ея въ корнѣ не показана древними писателями. Но за то они много говорили о высотѣ ея. По словамъ Иродота, Фукидида, Страбона, Плинія, Юлія Полигистора и другихъ, она весьма высока, такъ что живущіе на самомъ высшемъ темени ея видѣли восходъ солнца ранѣе тремя часами сравнительно съ тѣми, которые населяли прибрежныя мѣста ея ⁸⁾. Сіе темя выше дожденосныхъ облаковъ; и потому древніе вѣрили и говорили, что тамъ дожди никогда уже не смываютъ пепла, оставшагося послѣ жертвоприношеній ⁹⁾. Исполинская высота морской оконечности Аэона доказывалась и тѣмъ, что тѣнь отъ нея простирается до острова Лимноса на 87000 шаговъ, или 58 верстъ. Тамъ въ городѣ Миринѣ сія тѣнь покрывала собою бокъ статуи вола стоявшей среди торжища ¹⁰⁾. Высоты Аэона покрывались снѣгомъ. Объ этомъ вспоминалъ поэтъ Теокрытъ въ одной изъ своихъ идиллій ¹¹⁾. Общій наружный видъ этой горы очерченъ древними писателями, но недостаточно. Поэтъ Никандръ въ своей Ев-

ропееъ изобразилъ ее какъ исполина, который подъ звѣздами Эракии стоитъ среди неизмѣримаго моря, и своими руками мететь двѣ длиннѣйшія стрѣлы (горные отроги) особенно къ противоположному мысу Канастрійскому ¹²⁾. Пѣснопѣвецъ Орфей называлъ ее лѣсистою ¹³⁾, а географъ Страбонъ-островерхою и титъкообразною ¹⁴⁾. По географическому положенію она всегда считалась околоткомъ Македоніи и, частнѣе, Халкидикійской, нынѣ Сидирокавсійской, области, съ которою соединяетъ ее собственный ея перешеекъ ¹⁵⁾. Съ сѣверовосточной стороны омываетъ эту гору заливъ Эгейскаго моря, называемый Стримонскимъ по имени ближайшей рѣки Стримона, раздѣляющей Македонію отъ Эракии ¹⁶⁾, а съ югозападной—заливъ Сингитскій, прозванный такъ отъ города Сингоса, находившагося въ устьѣ этого залива при хорошей бухтѣ напротивъ оконечности Аэона. Два крайніе мыса этой горы, коими она оканчивается въ морѣ, назывались Акроэосскимъ и Нимфейскимъ. Первый мысъ вдается въ заливъ Стримонскій, а второй въ Сингитскій ¹⁷⁾. У этихъ мысовъ, и вообще у всѣхъ береговъ Аэона водились разныя чудовища морскія ¹⁸⁾. Въ Каракальскомъ монастырѣ я видѣлъ двѣ весьма длинныя кости одного изъ этихъ чудовищъ, которое тутъ давно издохло, а отъ Есфигменовыхъ монаховъ слышалъ въ 1858 году, что одинъ Кавсокаливскій скитникъ поймалъ на удъ морскаго змія, называемаго Смирна, и понесъ его домой въ корзинѣ за плечами; но этотъ змій очнулся тутъ, и обвившись около шеи скитника перегрызъ ему горло. Ихъ обонхъ нашли мертвыми. Эту гадину Аэонцы ѣдятъ. Я видѣлъ ее, а ѣсть не могъ.

§ 3. О первобытныхъ жителяхъ Аэона.

Первобытные жители Аэона были исполины изъ числа тѣхъ, о которыхъ воспоминанія остались у всѣхъ народовъ. Но эти гордые чада, ὑπερήφανα τέχνα, *) давнымъ давно вездѣ исчезли. На ихъ мѣсто на Аэонъ пришли изъ сосѣдней Эракии и Македоніи.

*) У Исиода Theogon. 149.

Висалты, Крестоны, Идоны и Диктиди, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились Еллины, Халкидійцы и Пеласги ^{19—21}).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О событіяхъ на Аѳонѣ въ первый кругъ времени, отъ появленія моря у этой горы, и отъ основанія городовъ на ней до участія ихъ въ Пелопонесской войнѣ грековъ, между 2500 и 431 годами до Р. Х.

§ 4. О затопленіи Аѳона водами Чернаго моря.

Аѳонъ, вмѣстѣ съ тою частію земнаго шара, которая теперь находится подъ Архипелагомъ и Средиземнымъ моремъ, потерпѣлъ два страшные переворота, одинъ отъ напора морскихъ водъ, а другой отъ огня. Говорю объ этомъ подробно съ голоса классическихъ писателей древнихъ временъ.

По преданіямъ, кои сохранили для насъ Платонъ, Аристотель, Діодоръ Сицилійскій, Страбонъ, Сенека, Плиній, и другіе знаменитые писатели еллинскіе, латинскіе и арабскіе, въ самое отдаленное отъ насъ время Азія, Африка и Европа составляли одинъ неразрывный угловатый островъ, потому что не было Средиземнаго моря, отдѣлившаго Африку отъ Европы ²²). Вокругъ сего острова протекалъ океанъ, какъ течетъ онъ и теперь, а за океаномъ извѣстенъ былъ *настоящій материкъ, ἀληθὺς ἥπειρος*, соотвѣтствующій Америкѣ и Океаніи; онъ показанъ на картѣ Козмы Индоплавателя ²³). Въ океанѣ же близъ нынѣшняго Гибралтарскаго пролива находился огромный островъ Атлантида, населенный превосходнымъ племенемъ Атлантовъ, и изобильный всѣмъ, что необходимо для счастливой жизни. На этой Атлантидѣ были цари, имѣвшіе власть могущественную. Имъ подчинялся не только сей островъ, но и оный заокеанный материкъ, такъ что Атланты плавали туда на своихъ корабляхъ. Благоденствіе этихъ островитянь, величіе царей ихъ, которыхъ было только десять, богатство ихъ капищъ, устройство водяныхъ сообщеній и приморскихъ пристаней, письменность, судопроизводство, торговля, вой-

Сына моего; всего будетъ у нихъ довольно при маломъ попеченіи, и жизнь небесную они получаютъ, и не оскудѣетъ милость Сына моего отъ мѣста сего до скончанія вѣка: а я буду теплая ходатаица предъ Сыномъ моимъ о мѣстѣ семъ и о живущихъ на немъ. Сказавъ это, она благословила всѣхъ, и вошедши въ корабль съ вышерѣченнымъ Иоанномъ и съ другими, отплыла въ Кипръ, гдѣ и застала Лазаря въ великой скорби; ибо онъ полагалъ, что съ нею случилось нѣчто въ морѣ, а о милости Божіей къ Аѳону не вѣдалъ. Но Матерь Божія тотчасъ обратила скорбь его въ радость, и принесла ему въ даръ омофоръ и поручи своего руководѣлія, потомъ повѣдала ему все, что было въ Иерусалимѣ и на горѣ Аѳонской, и возблагодаривъ Бога за все, отплыла обратно, и пришла въ Иерусалимъ, гдѣ скоро и преставилась къ Господу пресвятая Богородица Марія.“

Всякій здравомыслящій христіанинъ, прочитавъ это сказаніе, пойметъ, что оно написано подъ вліяніемъ воображенія, которому все возможно: возможно и вѣтры на морѣ направлять, куда угодно, и каменныхъ идоловъ заставить обзывать Аполлона суетнымъ и кличь кликать людямъ, и Богоматерь послать на Аѳонъ изъ Иерусалима, изъ котораго она, по свидѣтельству достовѣрныхъ писателей, никогда никуда не отлучалась по вознесеніи Господнемъ до самой кончины своей. Но такъ какъ подобныя сказанія многими принимаются за истинныя безъ всякой повѣрки ихъ, и поддерживаютъ ложь нетерпимую въ христіанской церкви, любящей истину; то намъ, священнослужителямъ ея, надлежитъ давать вѣрное понятіе о такихъ сказаніяхъ, о сочинителяхъ ихъ, и о времени и мѣстѣ перваго появленія ихъ, дабы впродъ благочестивая ложь не примѣшалась къ святой истинѣ. И вотъ я съ усердіемъ приступаю къ совѣстному разбору выше изложеннаго сказанія.

Оно списано божественнымъ Стефаномъ. Списано, г. е. передано письменно на томъ нарѣчій, какимъ говорилъ этотъ святогорецъ, но не переписано съ другой славянской книги и не со-

чилено имъ; ибо онъ, какъ сейчасъ узнаемъ, имѣлъ подъ руками подлинникъ греческій, который и передалъ по славянски.

Приданное ему проименованіе, *божественный*, выражаетъ либо духовную жизнь его, либо даръ витійствовать о божественныхъ предметахъ, либо то и другое. Впрочемъ, оно въ рукописи Аѳоно-Зографской, переписанной въ 1785 году съ русской печатной книги, *Рай мысленный*, замѣнено словомъ преподобный.

Рѣченный Стефанъ былъ болгаринъ. Это доказываютъ слѣдующія слова его въ Сказаніи, гдѣ онъ подъ апокалипсическою женою, убѣжавшею въ пустыню, разумѣлъ христіанскую церковь, существующую на Аѳонѣ; „Многіе святые изрѣкли, что оной женѣ Богъ уготовалъ мѣсто въ Аѳонской пустынѣ; и она дѣйствительно тамъ находится. Ей даны два крыла великаго орла, да летаетъ въ сей пустынѣ, то есть, церкви даны тамъ два писанія, греческо и *болгарско*, благословити и славити Единого Бога ²⁾“. (Однако тамъ славословили и прославляютъ Его Грузины, Молдавовалахи, Сербы, Россы, каждый своимъ языкомъ).

Болгаринъ Стефанъ жилъ и писалъ на Аѳонѣ послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 году. Въ этомъ увѣрится всякій, кто только прочтетъ слѣдующія толкованія его въ Сказаніи. „Снимемъ сапогъ подобно Моисею, да ясно увидимъ огненное чудо и услышимъ гласъ: азъ есмь Богъ Авраамовъ и Богъ Исааковъ и Богъ Иаковль. Посѣтимъ братію нашу, находящуюся въ томленіи *отъ втораго Фараона*... и въ горѣ пребудемъ, да побѣдимъ Амалика“. „И помогла земля женѣ. *То есть царство агарянское хотя и нечестиво, но помогло Божіей церкви*. И отверзла земля уста свои, и поглотила рѣку, которую змій пустилъ на жenu: то есть, *агаряне попрали царство града Константинова* ³⁾ Сии послѣднія слова даютъ разумѣть ясно, что помянутый второй Фараонъ есть Султанъ Турецкій, и что греческое царство уже не существовало тогда, когда болгаринъ Стефанъ писалъ Сказаніе объ Аѳонѣ, пользовавшимся въ его дни *помощію* Турціи. Итакъ этотъ святогорецъ жилъ не очень давно, а описывалъ

такое событіе, которое, (будто бы) совершилось за 15 вѣковъ до него. Надобно ли же вѣрить ему?

Не должно. Ибо онъ не сказалъ намъ: откуда, или отъ кого заимствовалъ свою повѣсть, и тѣмъ подорвалъ довѣріе къ себѣ. Надлежало бы ему указать мѣстность той пристани, въ которой остановилась Богоматерь, и которую идолы назвали Климентовою: а онъ не указалъ ее, и оставилъ читателя въ полномъ недоумѣніи касательно этой пристани, такъ что не знаешь, гдѣ искать ее на Аѳонѣ, у города ли Ерисса или у Ксиропотама, или у Ватопеда, или у Иверской обители, на мѣстѣ которой, какъ видно изъ Аѳонскихъ актовъ, стоялъ монастырь Климента въ девятомъ вѣкѣ. Аѳонскій городъ, въ которомъ Богоматерь (будто бы) благовѣствовала спасеніе, не поименованъ. Кто такой былъ Климентъ, житель ли Аѳона, или пришлецъ изъ Иерусалима: это не сказано. Богоматерь съ радостію приняла выпавшій Ей жребій и хотѣла идти въ Грузію, покоряясь волѣ Божіей, но является Ей ангель, и возвѣщаетъ иное повелѣніе Бога. Она приходитъ на Аѳонъ, и изрѣкаетъ благословенія мірскимъ жителямъ этой горы, а блага, обѣщанныя Ею, получаютъ монахи. Все это сбивчиво, диковинно и ничѣмъ не доказано.

Но да будетъ извѣстно, что не Стефанъ вымыслилъ сказаніе о пришествіи Богоматери на Аѳонъ: нѣтъ, оно написано было на новогреческомъ языкѣ прежде его. Этотъ святогорецъ только перевелъ его на славяно-болгарскій языкъ, удержавъ обороты рѣчи подлинника и греческія слова, *периволи*—садъ *манитары*—грибъ, *скала*—пристань, и безъ нужды замѣнивъ грамматическіе члены, *ѵ*, *ѧ*, *τῶ*, *τῆ*, мѣстоимѣніями *иже*, *еже*, *яже*.

Новогреческій подлинникъ Сказанія, о которомъ идетъ рѣчь, я видѣлъ въ Лаврѣ св. Аѳанасія, въ Ватопедѣ и Иверѣ, а умный и ученый святогорецъ Филоеитъ читалъ его въ той же Лаврѣ, и въ своемъ критическомъ разсужденіи объ Аѳонѣ отозвался о немъ такъ: „это — драма, не искусно написанная какимъ-то сербомъ, который едва умѣлъ различать восемь частей еллинской рѣчи; ибо онъ кое-гдѣ оставилъ славянскія слова въ той

книгѣ, которую я видѣлъ въ Лаврѣ“⁴⁾). Что мнѣ сказать послѣ такого отзыва? Святая правда и справедливая наука велятъ мнѣ присовокупить, что эта драма есть сколокъ съ подлинника, написаннаго по еллински весьма витіевато, и насильно вставленнаго въ житіе преподобнаго Петра Аѳонскаго, которое сочинено было монахомъ Николаемъ по приказанію духовнаго отца его⁵⁾. Этотъ еллинскій подлинникъ, переданный сперва какимъ-то сербомъ по новогречески, потомъ Стефаномъ по славяно-болгарски, есть источникъ, изъ котораго вышли эти два ручья, и дотекли до нашего Иверо-Валдайскаго монастыря. Итакъ его-то и надобно разложить, какъ родниковую воду, дабы знать: чиста ли она, или мутна, и когда и какъ появилась. Приступаю къ сей работѣ, изложивъ предварительно то, что сказалъ о семъ предметѣ вышепомянутый Филоѳентъ.

Этотъ святогорецъ въ своемъ критическомъ разсужденіи объ Аѳонѣ похвалилъ онаго монаха Николая за витіеватость, а его сказаніе о пришествіи Богоматери на Аѳонъ отринуть, какъ вымысль, или какъ невольную вставку. Вотъ слова его. „У этого Николая перо художно, но нѣтъ здраваго сужденія или по неволѣ, или намѣренно. Ибо сіе сочиненіе его (Житіе Петра Аѳонскаго) такъ безпорядочно, и заключаетъ въ себѣ такіе анахронизмы, что кажется явною выдумкою... Можетъ быть, онъ думалъ, какъ и теперь думаютъ и говорятъ, что Богоматерь прибыла въ пристань Климента, и что находившійся при ней Климентъ построилъ тутъ *во имя Ея* монастырь, который *по имени его* прозванъ былъ Климентовымъ. Но описатель такой глубокой древности возвѣстилъ, что истуканы говорили идолопоклонникамъ: *идите въ пристань Климента*. Значитъ, сіе мѣсто было извѣстно имъ подъ этимъ названіемъ еще до пришествія туда Климента и Богоматери. Какъ же оно, именовавшееся такъ прежде ихъ, прозвано было Климентовымъ по имени сего Климента? Такія странныя идеи, какъ сдается, отдалили отъ истины сочинителя житія преподобнаго Петра, такъ что онъ или намѣренно, или бывъ обманутъ, написалъ несогласныя диковины.

Онъ говоритъ, что когда два монаха и съ ними одинъ ловчій похитили мощи сего Петра изъ храма пресвятой Богородицы, тогда и онъ находился въ Климентовой обители, которую называетъ τὰ Κλήμεντος. Но еслибы тотъ, кто перевелъ сочиненіе его на простой (новогреческій) языкъ, не написалъ, что τὰ Κλήμεντος есть монастырь Иверскій; то осталось бы неизвѣстнымъ, гдѣ стояла обитель τὰ Κλήμεντος. А если этотъ Николай постоянно пишетъ τὰ Κλήμεντος; то симъ желаетъ доказать, что Богородица дѣйствительно приходила на Аѳонскую гору, когда еще была жива^{*}). Итакъ ничего здравомысленнаго не находимъ мы въ описаніи житія Петра Аѳонскаго“⁶⁾.

Жалѣю, что Филоѳентъ не сказалъ: древно ли и исправно ли то рукописное Житіе Петра, которое было у него подъ руками. Ежели оно ново и не исправно, то и сужденіе его не вѣско. Жалѣю и о томъ, что онъ не потрудился опредѣлить время жизни монаха Николая и не разъяснилъ: какъ въ обители Климента, она же и Иверская, могло появиться сказаніе о небываломъ пришествіи Богоматери на Аѳонъ. Эти недостатки весьма ощутительны. Но можно ли восполнить ихъ? Попробуемъ.

Въ библиотекѣ Аѳоноватопедскаго монастыря я видѣлъ Сборникъ поученій и житій святыхъ, кои читались въ церкви въ праздничные дни, переписанный на бумагѣ въ листъ монахомъ Григоріемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1422 года, и нашедши тутъ подъ 12 числомъ іюня Житіе преподобнаго отца нашего Петра Аѳонскаго, списалъ оное почти все: сокращены мною только тѣ рассказы объ этомъ подвижникѣ, которые читаются по всѣхъ Четь-Минеехъ. Это Житіе, какъ намѣчено на немъ, написано смиреннымъ Николаемъ, очевидцемъ взятія чудотворныхъ мощей Петра Аѳонскаго изъ храма Всепѣтой Богородицы, и написано по еллински хорошимъ ораторскимъ слогомъ. Филоѳентъ справедливо сказалъ, что у этого Николая перо художное. Ватопедская рукопись сходна

^{*}) Не соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ Филоѳента. Николай писалъ τὰ Κλήμεντος, вмѣсто Κλήμεντος, какъ Димосеентъ писалъ τὰ τῶν Ἑλλήνων вмѣсто Ἑλλήνας. Въ составленномъ имъ житіи Петра встрѣчается выраженіе τὰ τῶν θαυμάτων вмѣсто θαύματα.

съ Филоѳеитскою во многомъ, даже и въ томъ, что въ ней Климентова обитель пишется τῆ Κλήμεντος; однако есть и разница между ними, и разница большая. Въ рукописи 1422 года, во первыхъ, сказано, что Николай писалъ Житіе Петра Аѳонскаго по *заповѣди отеческой, патрикῆ παισδεις ἐντολῆ*, а не по приказанію духовнаго старца его; во вторыхъ, нѣтъ и помину о пришествіи Богоматери на Аѳонъ, и только повѣдано, что она съ Николаемъ чудотворцемъ *явилась* Петру и повелѣла ему идти на эту гору, сказавъ ему: „*придетъ время, когда Аѳонъ наполнится монахами отъ края до края*“; въ третьихъ, о Климентѣ строителѣ обители τῆ Κλήμεντος и о созданіи ея во дни Богоматери нѣтъ ни слова: напротивъ видно, что эта обитель возникла во время пятидесяти-трехлѣтнихъ подвиговъ Петра на Аѳонѣ (631—734 г.), и въ свою церковь приняла нетлѣнные мощи его; въ четвертыхъ, взятіе сихъ мощей рассказано такъ, что оно случилось не въ этой обители, а въ храмѣ Всепѣтой Богородицы, въ томъ самомъ, въ которомъ Аѳонскіе монахи во дни писателя Николая, по обычаю, всѣ собирались ежегодно, слѣдовательно въ Карійскомъ. Итакъ, или Ватопедская рукопись о Петрѣ Аѳонскомъ сокращена и немного переименована, а Филоѳеитова полна и исправна, или та перебѣлена съ списка подлиннаго и исправнаго, а эта искажена прибавкою о пришествіи Богоматери на Аѳонъ и о постройкѣ Климентовой обители во дни ея. Которой же изъ нихъ надобно отдать преимущество? Нельзя рѣшить этотъ вопросъ безъ подлинной рукописи монаха Николая, едва ли уцѣлѣвшей на Аѳонѣ, или по крайней мѣрѣ безъ рукописей, болѣе древнихъ, чѣмъ Ватопедская. Но пока онѣ отыщутся, постараемся разгадать: на которой сторонѣ правда. Ватопедское сказаніе о Петрѣ Аѳонскомъ, перебѣленное въ 1422 году съ рукописи, старшей сего года, читалось въ церкви для назиданія монаховъ. Хотя оно изложено съ риторическими прикрасами для большей впечатлительности, и хотя въ немъ замѣтно намѣреніе монаха Николая возвысить житіе пустынныхъ и бѣднѣйшихъ безмолвниковъ предъ житіемъ иноковъ общежительныхъ и всѣмъ доволь-

ныхъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего диковиннаго, нѣтъ анахронизмовъ, нѣтъ и умысла придать Климентовой обители древность современную Богоматери. Посему оно несравненно лучше того *безлѣтнаго* Сказанія, которое критиковалъ Филоѳеитъ, и въ которомъ повѣсть о пришествіи Богоматери на Аѳонъ и о постройкѣ тамъ обители во имя ея и во дни ея, никакъ не ладитъ съ прямымъ объявленіемъ монаха Николая, что онъ пишетъ житіе преподобнаго Петра, а не исторію сей обители. Правда, первое Сказаніе—пока одиноко, а на сторонѣ втораго стоятъ переводы его, новогреческій, болгарскій, сербскій и русскій, напечатанный въ нашемъ Валдайскомъ монастырѣ; но большинство списковъ втораго Сказанія съ переводами его доказываетъ мнѣ, знающему съ исторіей Аѳона, доказываетъ только ревнивое усиліе нѣкоторыхъ святогорцовъ отличить Климентову обитель, она же и Иверская, предъ всѣми прочими монастырями тамъ, и разгласить глубочайшую древность ея посредствомъ сочиненія. Чье же это усиліе? и когда и почему оно проявилось?

Не можетъ быть, чтобы монахъ Николай сочинилъ повѣсть о пришествіи Богоматери на Аѳонъ съ какимъ-то Климентомъ, и вставилъ ее въ житіе Петра Аѳонскаго. Это житіе, какъ видно изъ рукописей Ватопедской и Филоѳеитовой, было написано имъ послѣ прославленія святыхъ мощей сего угодника Божія, и даже послѣ взятія ихъ съ Аѳона. А онѣ прославлены были во время творца каноновъ преподобнаго Иосифа, который сочинилъ и канонъ по этому случаю, упомянувъ въ немъ, что мощи Петра, скрывавшіяся *въ теченіи многихъ лѣтъ*, явились *во дни его*, и служили украшеніемъ иноковъ Аѳонскихъ *), и сочинилъ его, какъ узнаемъ послѣ, предъ кончиною своею; скончался же онъ въ 883 году, когда на Аѳонѣ было уже много иноковъ; слѣдовательно, монахъ Николай писалъ житіе прославленнаго Петра позже этого года. А такъ какъ явленные мощи сего угодника Божія, по сказанію Николая, находились нѣсколько времени въ оби-

*) Пѣснь 5. Лѣты многими скрывается тѣло твое въ просвѣщеніе наше явися. Пѣснь 9. Явися богомудре инокомъ украшеніе.

тели Климента, а потомъ перенесены были въ соборный храмъ всѣхъ Аѳонскихъ монаховъ, да и тутъ не малое время служили предметомъ почитанія ихъ и даже окрестныхъ мірянъ, и наконецъ были увезены во Оракію, гдѣ чудодѣйствовали такъ же, какъ и на Аѳонѣ: чему очевидцемъ былъ онъ Николай *), то и оказывается, что сей очевидецъ изложилъ всѣ эти событія *гораздо позже* 883 года. Когда же? Я полагаю, что онъ изложилъ ихъ въ началѣ преобразования Аѳона св. Аѳанасіемъ, численно сказать, послѣ 971 года, и полагаю такъ, принявъ въ соображеніе слѣдующія данныя. Аѳонскія подлинныя дѣписанія гласятъ, что на Аѳонѣ, во второй и третій разъ опустошенномъ арабами въ 830 и 866 годахъ **), начали селиться монахи при царѣ Василии Македонскомъ съ 870 года, и что эти монахи съ той поры до постройки Лавры, Ватопеда и другихъ большихъ монастырей, всѣ жили въ розсыпь въ пещерахъ, избушкахъ и *маленькихъ* обителяхъ, но не въ большихъ кинувіальныхъ монастыряхъ, которыхъ и не было, жили какъ исихасты, т. е. безмолвники, отшельники, жили трудами рукъ своихъ въ величайшей бѣдности, по душевному обѣту своему; а управленіе ихъ находилось въ тамошней Кареѣ, гдѣ былъ и маленькій соборный храмъ во имя Богоматери. Такой образъ жизни ихъ, подѣ начальствомъ Прѳота исихаста же, одобренъ былъ царями, Василиемъ, Львомъ Мудрымъ и ближайшими преемниками ихъ. Эти исихасты утѣшены были нечаяннымъ открытіемъ мощей св. безмолвника и пещерника Петра. (877—880 г.) Знакомый имъ прѣснотворецъ Іосифъ написалъ для нихъ и Службу сему угоднику Божию около 880 года. Но вдругъ ихъ старые порядки и обычаи начали нарушаться. Сперва прибыли къ нимъ Грузины, и обновивъ древній монастырекъ свой, называемый "Αθω, приобрѣли себѣ *имѣніа* внѣ Аѳона въ 958 году, *въ противность устава исихастовъ*, не позволявшему монахамъ приобретать недвижимыя имѣнія и всякую собственность, а потомъ въ 96³/₄ году монахъ

*) Τοῦτων ἀρχαῖος καὶ ἀπόπτης ὁ ταπεινὸς ἐν τῷ γερουσίῳ Νικόλαος ἑσπεύσα... ἐκδέσθαι.

***) Въ первый разъ онъ заступилъ предъ 676 годомъ.

Аѳанасій, другъ царя Никифора Фоки, началъ строить большую Лавру, разводить виноградники, дѣлать водопроводы и проч. Къ нему собрались 3000 монаховъ изъ разныхъ странъ, даже изъ нижней Италіи, съ явнымъ намѣреніемъ устроить большіе общежительные монастыри. Все это взволновало старыхъ исихастовъ и Прѳота ихъ, такъ что они въ 970 году просили царя Іоанна Цимисхія срыть Лавру Аѳанасія и выслать его съ Аѳона *). Въ началѣ этого волненія, когда другъ Аѳанасія Левъ магистръ перестраивалъ соборный храмъ въ Кареѣ на свой счетъ (962—4 г.), увезены были съ сей горы мощи прѣподобнаго Петра горячими исихастами, дабы эта святыня не досталась новымъ великосановнымъ пришельцамъ, которые, пользуясь милостями греческихъ царей, могли захватить въ свои руки и власть Прѳота—исихаста. Въ числѣ этихъ ревнителей не кинувіальнаго житія безмолвниковъ находился и монахъ Николай. Онъ отправился съ Аѳона съ мощами Петра, и нехотя передалъ ихъ Фотокомискому епископу въ Оракіи, гдѣ видѣлъ и чудотворенія отъ нихъ; слѣдовательно, провелъ тамъ не малое время. Оттуда или Прѳотъ Аѳона, или сердечная любовь къ пустынножительству на этой горѣ, или тотъ и эта купно, возвратили его на прежнее мѣсто. Здѣсь онъ видѣлъ значительныя постройки Лавры Аѳанасія, монастыря Ватопедскаго, обители Итало-Амалфитанской, видѣлъ великосановныхъ друзей Аѳанасія, именно Іоанна Ивира изъ царскаго рода, и князя Беневентскаго, строителя Римскаго монастыря на Аѳонѣ, видѣлъ волненіе исихастовъ и ихъ посольство къ царю Іоанну Цимисхию съ жалобою на затѣи Аѳанасія (970 г.), видѣлъ умиротвореніе Аѳона послѣ введенія устава сего государя (971 г.), и прежнее преобладаніе исихастовъ въ прѳотатскомъ управленіи, и по заповѣди этихъ строгихъ отшельниковъ, написалъ Житіе прѣподобнаго Петра Аѳонскаго, угодившаго Богу не въ роскошной Лаврѣ но въ убогой пещерѣ, сподобившагося явленія Богоматери, и прославленнаго чудотвореніями, написалъ весьма кстати въ

*) О всемъ вышесказанномъ подробно говорится въ третьей части моей исторіи Аѳона.

такое время, когда хотѣлось поддержать старые порядки исихастовъ и во многихъ усилить ревность къ душевному спасенію въ уединеніи, въ безмолвіи, вдали отъ богатыхъ и шумныхъ монастырей. Такое повѣствованіе мое вполне оправдывается во 1-хъ замѣчаніемъ монаха Николая, что во дни его Аѳонъ, по предсказанію Богоматери Петру, былъ наполненъ иноками *), а наполнился онъ въ десятомъ вѣкѣ; во 2-хъ заключеніемъ Житія сего угодника Божія. Передаю сіе заключеніе. „Выслушавъ это (житіе Петра) братія и отцы, запечатлѣемъ въ душахъ нашихъ безмятежное и почти безплотное и безтѣлесное житіе предшествовавшихъ намъ отцовъ, и *восплачемъ и възрыдаемъ, видя нынѣшнюю суетность и склонность ко всякому удобству жизни.* Ибо оныя отцы, однажды отрекшись отъ міра, уже не занимались мірскими суетными хлопотами, не одѣвались въ мягкія одежды, не требовали тѣлеснаго покоя, *и не желали стяжаній имѣній, разширеній построекъ,* а искали благовоннаго мѹра **) духовнаго, которое есть Христось, животъ и свѣтъ“. Прочитавъ сіе заключеніе невольно полагаешь, что оный Николай написалъ Житіе Петра Аѳонскаго послѣ 971 года, когда Аѳонъ, успокоенный уставомъ царя Цимисхія, преобразовался и *широко обстраивался* по начертаніямъ Аѳанасія, Іоанна Ивира и князя Беневента, и когда исихасты удерживали власть свою въ Протатѣ лишь по милости и благоразумному снисхожденію этихъ преобразователей, предвидѣвшихъ и постепенно подготовлявшихъ исполненіе своего намѣренія сдѣлать Аѳонъ *многонароднымъ мѣстомъ разнообразнаго житія монашескаго.* А ежели въ это переходное время Аѳона написано сказанное Житіе; то помѣщенная въ немъ повѣсть о пришествіи Богоматери на эту гору и о постройкѣ Климентовой обители во дни ея никакъ не можетъ быть усвоена сочинителю сего Житія. Она тутъ совершенно неумѣстна. Еслибы написалъ

*) Ἡ τῆς Θεοτόκου πρόφησις ἤδη προβαίνειν ἤρξατο. Καὶ τὸ δὴ λεγόμενον, ἀπὸ σταγόνος ὕδατος, τῆς τῶν κατοικοῦντων δῆλον ὅτι ἀλιότητος εἰς πέλαγος ἀξέτηται ἀπειρον, τὰ ἐνταῦθα καὶ πλατυρὸν καὶ πλήθος τὸ νῦν φαινόμενον ἢ τῶν καλῶν συνέργου φρονήσεως πρόνοια.

**) Намекъ на мѹро, истекшее изъ мощей Петра Аѳонскаго.

ее этотъ Николай; то онъ противорѣчилъ бы самъ себѣ, оплакивая склонность монашествующихъ современниковъ своихъ къ удобствамъ жизни въ снабженныхъ всякимъ добромъ монастыряхъ, и въ то же время оправдывая устройство такихъ монастырей примѣромъ Климента, (будто бы) сотрудника Богоматери и перваго игумена среди мірскихъ жителей Аѳона, и обѣщаніями Ея *всякихъ благъ* населенкамъ сей горы. Посему эту повѣсть, *которой вовсе нѣтъ въ вышепомянутой Ватопедской рукописи 1422 года,* надобно считать поздней вставкою какого то святогорца, поддѣлавшагося подъ слогъ монаха Николая. Въ какое же время появилась она и почему?

Не сочинили ли ее аѳонскіе грузины, считавшіе свою Иверію удѣломъ Богоматери, и не тогда ли сочинили, когда обитель Климента съ церковію Іоанна Предтечи отдана была имъ по царскому указу въ 980 году *)? Не думаю. Эту обитель тогда приняли и вскорѣ расширили постройками и обеспечили многими угодами грузины, Іоаннъ, Евѳимій и Георгій, мужи преподобные. (980—1044 г.) Какъ же бы они рѣшились сочинить и вставить оную повѣсть въ такое житіе, въ заключеніи котораго восхваляется нищета безмолвниковъ, и не одобрено приобрѣтеніе имѣній для монаховъ и расширеніе монастырскихъ зданій? Это было бы слишкомъ простовато. А Евѳимій, родной сынъ Іоанна Ивира, воспитанный при Византійскомъ дворѣ и писавшій стихи на еллинскомъ языкѣ, не былъ такой простецъ, чтобы противъ отца своего и противъ себя могъ сплетать небывалое съ былымъ, строить большой и удобный монастырь, и въ то же время читать монахамъ Житіе Петра Аѳонскаго, въ которомъ осуждается такая постройка, какъ суета. Положимъ, что помянутые Грузины говорили грекамъ—святогорцамъ, какъ Богоматери выпалъ жребій проповѣдовать Евангеліе въ Иверской странѣ ихъ. Но съ какой стати пришло бы имъ въ голову писать противъ себя, что проявившаяся въ этомъ жребіи воля Божія тотчасъ отмѣнена была

*) Смотри у меня этотъ указъ въ актахъ Аѳоно-Иверскаго монастыря.

самимъ же Богомъ, который послалъ къ Богородицѣ ангела возвѣстить ей, чтобы она вмѣсто Иверіи шла на Аѳонъ. Съ какой стати имъ нужно было провозглашать глубочайшую древность Климентовой обители, построенной греками, и такимъ образомъ выставить ихъ историческое право на владѣніе ею, и выставить въ такое время, когда они сами только что поселились въ ней! Эта обитель передана была грузинамъ по указу царя Василія порфиророднаго, когда испхасты уже усмирены были Иоанномъ Цимисхиємъ. А такая передача, законная, неотъемлемая, подтверже всякаго историческаго права. Посему не было и надобности подкрѣплять ее другими доказательствами, и особенно такимъ сказаніемъ о Богоматери и о помянутой обители, которое скорѣе ослабляло ихъ право на владѣніе ею, чѣмъ утверждало оное. Итакъ это сказаніе появилось не въ 980 году, и не грузины сочинили его.

Сочинили его греческіе монахи, завладѣвшіе грузинскимъ монастыремъ на Аѳонѣ, и сочинили не тогда, когда константинопольскій патриархъ Каллистъ 1-й (1350—1362 г.) синодальною грамотою предоставилъ имъ первенство и хозяйство въ этомъ монастырѣ*), потому что при такой законной передачѣ его они не нуждались въ старинныхъ преданіяхъ для подкрѣпленія своего права на осѣдлость въ немъ: нѣтъ, оное сочиненіе ихъ появилось и распространилось гораздо позже, въ такое время, когда всѣ аѳонскіе монахи волею-неволею начали прославлять свои удѣльные монастыри, и приписывать имъ небывалую древность, по причинѣ соперничества другъ предъ другомъ. Опредѣляю это время. Въ 1568 году Султанъ Селимъ отнял у всѣхъ этихъ монастырей принадлежавшія имъ имѣнія въ царствѣ его**). Съ сей поры они начали посылать въ православный міръ такъ называемыхъ *таксидіаровъ*, то есть сборщиковъ милостыни, а эти сборщики приводили съ собою на Аѳонъ толпы поклонниковъ, какъ это дѣлается и въ наши дни. Каждый монастырь принималъ ихъ съ

*) Acta patriarchatus Constantinopolit. T. 1 pag. 375 edit. 1860.

**) Смотри оправданія исторіи Аѳондохіарскаго монастыря.

колокольнымъ звономъ, угощали какъ можно лучше, показывали имъ свои святыни, прославляли своихъ древнихъ ктиторовъ, и приглашали зажиточныхъ богомольцовъ быть новыми ктиторами въ тяжкіе годы Аѳона. Но знаменитая Лавра Аѳонская, эта мать всѣхъ тамошнихъ обителей, затмѣвала ихъ своимъ первенствомъ. А затмѣніе никому не любо, да и не выгодно. И вотъ, Ксиропотамъ и Есфигменъ возобновили молву, что они построены еще царицею Пульхеріею († 452 г.) гораздо прежде этой Лавры. Ватопедъ и Кастамонитъ выбрали себѣ въ ктиторы Константина Великаго. Каракаль зашелъ еще далѣе: онъ припомнилъ римскаго императора Антонія Каракала, и провозгласилъ его строителемъ своимъ, не справясь; что онъ былъ идолопоклонникъ нерасположенный къ христіанамъ. Сосѣдній съ Иверомъ монастырь Филоѳеевскій зашелъ еще далѣе: онъ объявилъ, что на мѣстѣ его стояла епископія, основанная еще Богоматерию. Другіе монастыри, которыхъ позднее появленіе было общезвѣстно, приписали себѣ другихъ царственныхъ ктиторовъ. Зографъ Льва Мудраго, Русикъ Ярослава, Кутлумушъ и Пандократоръ Алексѣя Комнина, и сочинили грамоты и повѣсти, которыхъ поддѣльность обличается надписями и актами аѳонскими же. При такомъ общемъ ревнованіи поддался искушенію и Иверскій монастырь, въ которомъ еще до 1492 года не было ни одного грузинскаго монаха, а всѣ насельники были греки, и который съ той поры перестраивался, и потому нуждался въ подаяніяхъ царей, князей, бояръ и простолюдиновъ. Въ годину сего ревнованія греческіе старцы сего монастыря, знавшіе повѣрье грузинъ, что иверская земля и аѳонская обитель ихъ есть жребій Богоматери, и слыхавшіе старинную народно-монашескую молву о томъ, что Богоматерь съ Климентомъ приходила на Аѳонъ изъ Іерусалима, и что оба они высадились изъ корабля въ ихъ пристани, повѣрили этой молвѣ, какъ сущей правдѣ, не понявъ, что въ старину разумѣлось пришествіе туда *не живой Богоматери, а иконы ея*, принесенной изъ Іерусалима въ четвертомъ вѣкѣ крестителемъ Аѳонитовъ епископомъ Климентомъ, (§ 13) и приказали одному изъ послушниковъ сво-

пхъ, знатоку еллинскаго языка, написать сказаніе объ этомъ событіи, какъ можно краше *ὅτι κορυφαία*, въ видахъ возвышенія своего монастыря въ глазахъ поклонниковъ, и читать оное въ церкви и въ братской трапезѣ для своего утѣшенія *). Послушникъ этотъ, какъ водится въ монастыряхъ, исполнилъ приказаніе старцовъ безпрекословно, и краснорѣчиво описалъ путешествіе Богоматери изъ Иерусалима на Аѳонъ, вмѣсто Иверіи, ея проповѣди и чудеса тутъ, и возвращеніе въ святой городъ чрезъ островъ Кипръ, а монастырю своему, прозывавшемуся въ юридическихъ актахъ Климентовымъ **), придалъ глубочайшую древность, усвоивъ построеніе его тому Клименту, который сопровождалъ Богоматерь на Аѳонъ ***). Такъ появилось пресловутое Сказаніе, о которомъ идетъ рѣчь. Сперва оно ходило по рукамъ отдѣльно отъ Житія Петра Аѳонскаго. Потомъ одинъ изъ сербовъ, едва знавшій восемь частей еллинской грамматики, перевелъ его на новогреческій языкъ и включилъ въ это Житіе, вспомнивъ, что въ немъ упомянута обитель Климента, и пожелавъ уяснить начало

*) Въ наши дни Аѳоно-Кастамонитскіе монахи читаютъ во время богослуженія и трапезы историческое слово объ Аѳонѣ и о своемъ монастырѣ.

**) Напр. *Ἀσφάλεια ἡγουμένου τῆς Λαύρας*, 985 ἔτος, въ Оправданіяхъ исторіи монастыря Аѳоно-Иверскаго подъ № 4: *Ἐδαγεστάτη Λαύρα τῶν Ἱβήρων ἐπονομαζομένη τοῦ Κλήμη.*

***) Не удивляйтесь такой смѣлости. Аѳониты издавна не лѣнивы на всякія выдумки. Такъ, Аѳоно-Коловуйскіе монахи, желая подчинить себѣ весь Аѳонъ, сочинили Дарственную записку отъ имени царя Льва Мудраго (887 г.), и лично представили ему ее для подписи, но были обличены. Такъ, игуменъ Аѳонской Лавры св. Афанасія Иоанникій Валма для прекращенія скоромнаго соблазна на Аѳонѣ выдумалъ и оповѣстилъ проклятіе отъ имени Константинопольскаго патріарха Николая, немного ранѣе 1114 года, и такую ложью смутилъ Его Святѣйшество, царя Алексѣя Комнина и всѣхъ Аѳонитовъ. Такъ, монахи Кеснофскаго монастыря недавно сочинили сказаніе о томъ, что икона Богоматери *по воздуху* перешла къ нимъ изъ Ватопеда, тогда какъ она перенесена была *на рукахъ*: въ чемъ удостовѣрили меня Ватопедцы. Такъ, беспокойные Святогорцы въ 1821 году увѣряли всѣхъ собратій своихъ, что Россійскій Императоръ Александръ непременно пришлетъ флотъ для защиты Аѳона во все время возстанія Еллиновъ. Но вотъ вамъ еще одно Аѳонское свидѣтельство объ Аѳонской лаврѣ: *ῥὰ τὴν ἀκαταμάχητον ἀλήθειαν!* *Ὅλα τὰ παλαιὰ περὶ ὁροπέσιον ἡράματα εἶναι πλαστογραφία—κлянυςъ неборимому истинно!* *всѣ древнія записки о границахъ монастырей—поддѣльны!* Это свидѣтельство написано мною изъ сборника древнихъ грамотъ, *ῥάραματα ἀρχαία*, хранящагося въ архивѣ монастыря Аѳоно-Кутлумушкаго.

ея; а болгаринъ Стефанъ перевелъ его на славянскій языкъ и помѣстилъ въ своихъ преданіяхъ объ Аѳонѣ; отъ Стефана же оно перешло въ палаты нашего патріарха Никона, который и напечаталъ его въ 1659 году. Такимъ образомъ утвердилась въ православномъ мірѣ увѣренность въ томъ, что Богоматерь была на Аѳонѣ, что тамошнее мѣсто, на которомъ стоитъ Иверскій монастырь, есть самое священное, потому что было освящено присутствіемъ ея, и что вошедшая въ составъ сего монастыря обитель Климента (980 г.) есть самая первая монашеская обитель въ цѣломъ свѣтѣ. А эта увѣренность увеличила славу и доходы иверо-греческихъ монаховъ.

Изложивъ все это, повторяю, что Сказаніе о пришествіи Богоматери на Аѳонъ, въ еллинскомъ подлинникѣ и въ переводахъ новогреческомъ и славянскомъ, появилось между 1568 и 1659 годами въ слѣдствіе ревниваго желанія иверогреческихъ монаховъ придать своему монастырю глубочайшую древность, и что поводомъ къ нему послужило ходячее, народно-монашеское, преданіе о началѣ христіанства на Аѳонѣ, со временемъ искажившееся, и смѣшавшее *первое* появленіе *иконы* Богоматери на Аѳонѣ съ *личнымъ* прибытіемъ Ея туда, а перваго крестителя аѳонитовъ Иерусалимскаго епископа Климента, принесшаго эту икону, обратившее въ спутника Ея.

Богоматерь не была на Аѳонѣ, и быть тамъ не думала. Вотъ тому доказательства:

Ни святые отцы церкви, ни древніе историки ея, Евсевій, Сократъ, Созомень, Евагрій, ни византійскіе лѣтописатели, ни св. Андрей Критскій, собравшій преданія о Богоматери, ни списатель житій святыхъ Симеонъ Метафрастъ, не говорили, что Аѳонъ есть удѣлъ Богоматери, и что она крестила жителей сей горы. Во всеобщемъ канонѣ преподобному Петру Аѳонскому, написанномъ творцомъ каноновъ преподобнымъ Иосифомъ, нѣтъ ни слова объ этомъ, не упомянуто даже и о явленіи Богоматери сему Петру. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ Словѣ Константинопольскаго патріарха Филодея, которое онъ написалъ въ защиту Аѳона

противъ насмѣшекъ византійскаго историка Григораса надъ тамошними созерцателями Фаворскаго свѣта, ни въ церковной Службѣ всѣмъ святымъ Аѳонскимъ, сочиненной ученымъ и набожнымъ Никодимомъ святогорцомъ (†1809 г.) Всѣ храмы въ Аѳонскихъ монастыряхъ расписаны; но ни въ одномъ изъ нихъ не изображено пришествіе Богоматери на Аѳонъ. Въ многочисленныхъ грамотахъ, пожалованныхъ Святогорскимъ обителямъ царями и патріархами, греческими, сербскими, болгарскими, російскими, и господами Молдавіи и Валахіи, содержатся похвалы Аѳону, какъ вертограду, наполненному райскими цвѣтами: но ни въ одной изъ нихъ не сказано, что тамъ была Богоматерь, даже нѣтъ намека и на то, что сія гора есть удѣлъ Царицы Небесной. Да и какъ могли бы сказать это цари и патріархи, когда извѣстно, что пресвятая Дѣва Марія по вознесеніи Господнемъ никуда не отлучалась изъ Іерусалима до самой кончины своей? *О безвыходномъ пребываніи ея въ этомъ городѣ есть историческія сказанія достовѣрныя, Представляю ихъ.*

1.) Вотъ первое сказаніе, почти современное Богоматери, сказаніе Антиохійскаго епископа Евода, котораго рукоположилъ апостоль Петръ: „Святая Богородица послѣ распятія (Христа) *жила въ домъ Иоанна одиннадцатъ лѣтъ.* А всѣхъ годовъ жизни Ея было пятьдесятъ девять“. „Сей божественнѣйшій Евангелистъ, по возшествіи Іисуса на небо, *пребывалъ съ Божіею Матерію въ своемъ домѣ на Сионѣ до преставленія ея къ Господу,* а потомъ въ Асіи (въ малоазійскомъ городѣ Ефесѣ) благовѣствовалъ Христа“. ‘Ο πολὺς τὰ θεῖα Εὐώδος, τῶν ἱερῶν ἀποστόλων διάδοχος, ἐν ταῖς αὐτοῦ συγγράμμασι, μάλιτα δὲ ἐν τῇ ἐπιστολῇ, ἣν Φῶς ἐπέγραψε, καὶ ταῦτα προστίθησιν· ὁ Χριστὸς ἰδίαις χερσὶ τὸν Πέτρον μόνον ἐβάπτισε... ἡ ἅγια Θεοτόκος μετὰ τὴν σταύρωσιν ἐν τῇ τοῦ Ἰωάννου οἰκίᾳ ἔτη διετέλεσεν ἰά. ὡς ὁμοῦ τὰ ἔτη ταύτης ὄ και Ὀ συνάχουσιν.‘ Nicephor. Callist. histor. eccles. L. II. c. 3. Ἱστορεῖται, ὡς ὁ θειότατος οὗτος εὐαγγελιστὴς μετὰ τὴν εἰς οὐρανὸς ἀνοδὸν Ἰησοῦ συνῆν τῆμητρι τοῦ θεοῦ ἐν τῷ κατὰ τὸ Σιών οἴκῳ αὐτοῦ ἄχρι τῆς πρὸς Κύριον ἐκδημίας αὐτῆς. Ἐπειτα δὲ ἐν Ἀσίᾳ γενόμενον εὐαγγελίσασθαι τὸν Χριστόν. Ibidem L. II. c. 42.

2.) Епископъ Поликратъ (185 г. по Р. Х.) въ своемъ посланіи къ римскому папѣ Виктору, исчисляя преимущества Церкви Ефесской не показалъ, что въ Ефесѣ съ Іоанномъ пребывала святая Дѣва Марія и тамъ скончалась. А онъ показалъ бы сіе, если бы въ его время было извѣстно это событіе.

3.) Въ подтвержденіе пребыванія Богоматери въ Ефесѣ съ апостоломъ Іоанномъ нѣкоторые ссылаются на слѣдующія слова въ посланіи Отцовъ третьяго вселенскаго Собора Ефесскаго къ Константинопольскому клиру (431 г.): ὁθεν καὶ Νεστόριος φάσας ἐν τῇ Ἐφεσίῳ, ἔνθα ὁ θεολόγος Ἰωάννης καὶ θεοτόκος παρθένος ἡ ἅγια Μαρία: г. е. Посему и Несторій, прибывши въ Ефесъ, гдѣ Богословъ Іоаннъ и Богородица Дѣва святая Марія... Labbei concil. III. p. 547. Но это сказаніе, какъ видите, прервано, недокончено. Посему основываться на немъ нельзя. Напротивъ, ученые видятъ въ немъ, просто, указаніе или на храмъ въ Ефесѣ во имя Богородицы и апостола Іоанна, или на то, что Ефесскіе христіане признавали ихъ покровителями своего города и прославляли. Migne Tom. 67. gr. col. 107³/₄ not. 85.

4.) Несторіане, послѣдователи вышеназвутаго Несторія патріарха Константинопольскаго, отдѣлились отъ вселенской Церкви послѣ вышеназваннаго Ефесскаго Собора, и отдѣлились потому, что не согласились признавать Дѣву Марію Богородицею; однакоже до сей поры вѣрятъ, что она взята была съ тѣломъ въ рай, а до сего преставленія 12 лѣтъ прожила въ домѣ Евангелиста Іоанна. Вотъ что писалъ объ этомъ Абедъ-Іезу: „По смерти Спасителя Іоаннъ Евангелистъ принялъ въ свой домъ святую Дѣву и заботился о ней, какъ о своей матери. *А жила она у него 12 лѣтъ по вознесеніи Іисуса Христа.* Всѣхъ же лѣтъ жизни ея было 59, по другимъ 61. Asseman. T. III. p. 318. 608.

5.) Іаковъ Еврей, крещенный въ Африкѣ во дни царя Ираклія (въ первой половинѣ 7-го вѣка) въ одномъ сочиненіи своемъ изложилъ слѣдующее преданіе о Богоматери: Ἐξῆσεν ἐν τῇ ἀνθρωπότητι αὐτῆς ἡ ἅγια Μαρία ἡ θεοτόκος ἔτη νθ' οὕτως· ἐν τῷ κατὰ τὸ εἶ και ἐν τῷ οἴκῳ Ἰωσήφ μῆνας τέσσαρας, καὶ εὐθέως εὐαγγελίσθη ὑπὸ τοῦ

Γαβριήλ· καὶ συλλαβοῦσα ἔτεκε Χριστὸν τῇ κέ τοῦ δεκεμβρίου μηνός· ὁμοῦ ἔτη ιε'. Καὶ ἔζησεν ἐπὶ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ υἱοῦ αὐτῆς γενομένου, ἔτη λγ'. καὶ μετὰ τὴν ἀνάληψιν σὺν τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ ἐν οἴκῳ Ἰωάννου τοῦ εὐαγγελιστοῦ, ἔτη ια'. ὁμοῦ μδ'. ὥστε ἔμενεν ἐν Ἱεροσολύμοις εἰς τὴν λεγομένην ἁγίαν Σιών τὴν τῶν ἐκκλησιῶν μητέρα. αὕτη δὲ ἦν ἡ οἰκία αὐτοῦ. Ἐκεῖ ἔφυγον οἱ μαθηταὶ τοῦ Χριστοῦ διὰ τὸν φόβον τοῦ γένους ἡμῶν. То есть: жила, какъ человекъ, святая Марія Богородица 59 лѣтъ такъ: во храмѣ 14 лѣтъ и въ домѣ Иосифа 4 мѣсяца: и вскорѣ благовѣствоваль ей Гавріиль; и, зачавъ, родила Христа 25 декабря мѣсяца: всего же 15 лѣтъ. А по вочеловѣченіи Господа нашего Исуса Христа и Сына ея жила 33 года, да по вознесеніи его пребывала съ учениками его въ домѣ Евангелиста Іоанна 11 лѣтъ: *всего 59 лѣтъ пробыла въ Иерусалимѣ* на такъ называемомъ Сіонѣ, который есть матеръ Церквей. Тамъ и домъ Іоанна. Туда убѣжали ученики Христовы ради страха отъ нашего рода. *Χειρογράφ. ἐν ἐρῇ βιβλιοθήκῃ.*

6.) Св. Андрей Критскій (VIII в.) въ своемъ Словѣ на усненіе блаженной Маріи сообщилъ преданіе, что она жила на горѣ Сіонской, что тамъ показывали домъ ея, обращенный въ церковь, и что она тамъ умерла въ присутствіи апостоловъ и учениковъ Господа.

7.) Въ Житіи Богоматери, которое написалъ Епифаній монахъ и пресвитеръ Іерусалимскій, 955 г., сказано: „Богородица послѣ того, какъ увидѣла вознесеніе Господа на небеса, усугубила подвижничество и колѣнопреклоненія свои, какъ говоритъ Іерусалимлянинъ Андрей епископъ Критскій. Никто изъ Іудеевъ, ни князь, ни первосвященникъ, и ни одинъ Еллинъ, не дерзалъ говорить о ней что-либо, или причинять ей неприятность, или подходить къ дому, въ которомъ она жила исцѣляя больныхъ одержимыхъ духами нечистыми, подавая милостыни бѣднымъ, и помогая вдовамъ и сиротамъ. Нѣкоторые же говорятъ что *ни одинъ изъ 12 апостоловъ не отлучался изъ Иерусалима пока она была жива*. Лѣта жизни Богородицы исчисляются такъ: когда исполнились ей 7 лѣтъ, тогда родители посвятили ее Господу въ Іеру-

салимѣ. Тамъ въ храмѣ она пребывала 6½ годовъ, потомъ въ домѣ Иосифа 6 мѣсяцовъ, и услышала благовѣстіе о всемирной радости, а на 15 году родила сына, Господа нашего Исуса Христа: съ Нимъ же прожила 33 года: всего 48 лѣтъ. По вознесеніи его *пребывала въ домѣ Богослова на святомъ Сіонѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ прочими апостолами 24 гада*: всего 72 года. По усненіи ея всѣ апостолы разошлись. Іоаннъ отправился въ Ефесъ 7). (Извлечено изъ древней пергаминной рукописи, хранящейся въ Палестинской лаврѣ Саввы Освященнаго.)

8.) Византійскій историкъ Кедринъ сообщилъ преданіе о Богоматери, что „она по вознесеніи Господа *жила на Сіонѣ до кончины своей*, и святую душу свою предала Господу Богу и Сыну своему, будучи 72 лѣтъ, (а по нѣкоторымъ 58-ми) такъ что по вознесеніи Христа жила 24 года. Μετὰ τὴν τοῦ Κυρίου ἀνάληψιν ἡ Θεοτόκος ἐν Σιών διέτριβεν ἕως τῆς τελευταίας αὐτῆς. Παρέδωκε δὲ τὴν ἁγίαν αὐτῆς ψυχὴν τῷ Κυρίῳ καὶ Υἱῷ τῷ θεῷ, ἐτῶν οὐσα οβ'. οἱ δὲ φασὶ νη'. ὥστε μετὰ τὴν ἀνάληψιν τοῦ Χριστοῦ 24 χρόνους ἐπεβίωσεν.— Gregor. Cedr. histor. compendium T. I p. 329. Vonnae.

9.) Въ Сборникѣ 1182 года, находящемся въ библиотекѣ Святогробской, слово въ слово приведено вышеизложенное мною сказаніе Іакова.

10.) Въ моемъ рукописномъ Синаксарѣ греческомъ, 1249 года, сказано, что св. апостоль Іоаннъ у креста Христова взялъ Богоматерь въ свой домъ и *служилъ ей до усненія Ея*, по усненіи же отправился въ Ефесъ и тутъ обратилъ ко Христу 400,000 язычниковъ, поклонявшихся Діанѣ. Τὴν Θεοτόκον εἰς τὰ ἴδια ἔλαβε, καὶ μέχρι τῆς κοιμήσεως αὐτῆς, αὐτῇ διηκόνει· καὶ μετὰ τὴν κοίμησιν ἦλθεν εἰς Ἐφεσον, καὶ τὸν ναὸν τῆς Ἀρτεμίδος διὰ προσευχῆς κατέβαλε, καὶ τεσσαράκοντα μυριάδας λατρεύοντας αὐτῇ πρὸς τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν μετήγαγε.

11.) Въ библиотекѣ Аеонопандократорскаго монастыря я читалъ рукопись на пергаинѣ въ большой листъ, 14 вѣка, содержащую 96 праздничныхъ Словъ, Λόγοι πανηγυρικοί. Первое изъ нихъ есть Слово о рожденіи и воспитаніи пресвятой Дѣвы Маріи и о ризѣ ея. Въ этомъ Словѣ между прочимъ сказано, что

„когда апостолы, исполненные божественною благодатию Утѣшителя въ день пятидесятницы, шли проповѣдывать Евангельское учение, каждый въ свою страну, и когда проповѣданіе Вѣры уже возвѣщалось, тогда Дѣва, порученная Господомъ возлюбленному ученику Его и дѣвственнику, *пребывала въ домъ его на Сионѣ.*“ Ἐπεὶ δὲ κατὰ τὸν καιρὸν τῆς πεντηκοστῆς οἱ ἀπόστολοι τῆς θείας τοῦ Παρακλήτου χάριτος πληρωθέντες, πρὸς τὴν τοῦ εὐαγγελίου διδασχὴν ἄλλος ἄλλοσε διεπέμποντο, καὶ τὸ κήρυγμα ἤδη τῆς πίστεως διεγγέλλετο, τὴν Παρθένον πάλιν ἄτε τῷ ἡγαπημένῳ μαθητῇ καὶ παρθένῳ ὁ ἐν τῇ Σιών αὐτοῦ οἶκος εἶχε διατωμένην.

Вотъ вамъ одинадцать сказаній о Богородицѣ! Ни въ одномъ изъ нихъ не упомянуто, что она была на Аѳонѣ, а въ каждомъ положительно говорится, что она по вознесеніи Господа жила на Сионѣ въ домѣ Иоанна Богослова до самой кончины своей, и что уже по смерти ея сей апостоль отправился въ Ефесъ. Послѣ сего повѣсть о пришествіи Ея на Аѳонъ не должна быть вносима въ исторію сей горы. Эту повѣсть отвергають и святогорцы, умные и добросовѣстные.

§ 3. О прохожденіи св. апостола Павла чрезъ Аѳонскій городъ Аполлонію.

Православные жители города Ерисса, находящагося въ верховьѣ Аѳонскаго перешейка, сохранили преданіе своихъ предковъ о томъ, что апостоль Павелъ проповѣдовалъ слово Божіе въ этомъ городѣ, который въ его время назывался Аполлонія. Это преданіе помѣщено въ непечатномъ описаніи Аѳона, хранящемся въ библиотекѣ тамошняго Григоріатскаго монастыря⁸⁾. Перевожу его по русски.

„ На западѣ отъ Прѣвлака и на востокѣ крѣпости Ериссо, тамъ, гдѣ теперь стоятъ метохъ и башня священной обители Кутлумушской и храмъ во имя апостола Павла, находится разсѣлина, которой устье обращено къ сѣверу. Изъ нея вѣковѣчно вытекаетъ вода. А въ устье вставлена дверь; и сколько кто можетъ,

усматриваетъ воду въ нижней части разсѣлины. Сосѣдніе христіане и монахи почитаютъ сію воду, *какъ агіазму* (св. воду) апостола Павла, и по древнему преданію своихъ предковъ преемственно рассказываютъ вотъ какое диво. Когда апостоль Павелъ проповѣдовалъ Евангеліе мѣстнымъ язычникамъ, и училъ ихъ жить цѣломудренно и воздерживаться отъ страстей; тогда нѣкоторые изъ нихъ, безстыдные и порочные, вздумали удержать его силою и осквернить. Онъ укрылся въ стадѣ воловъ. Но эти озорники нашли его тутъ и стѣснили въ сказанномъ мѣстѣ. Однако подѣ апостоломъ разсѣлась земля; и онъ очутился въ Кассандрѣ, гдѣ также находится храмъ во имя его и подобная разсѣлина съ текучею водою, которую также называютъ агіазмою апостола Павла. Разстояніе между этими двумя мѣстами опредѣляется 50 милями. Въ Ериссѣ же по сию пору осталось вотъ какое знаменіе: когда потомкамъ оныхъ порочныхъ людей прилучится ѣсть мясо воловьё, тогда изъ нихъ потечетъ кровь въ большемъ количествѣ. Посему они воздерживаются отъ этого мяса. А прочіе сожителіи издѣваются надъ происхожденіемъ ихъ отъ помянутаго сквернаго рода. Такъ видятъ, рассказываютъ и утверждаютъ это обыватели не только Ерисса, но и Кассандры, гдѣ бывають подобныя знаменія“.

Достойно-ли вѣроятія сіе преданіе, искаженное баснословіемъ, и, если отнять баснословную обстановку, подтверждается ли какимъ либо историческимъ свидѣтельствомъ? Посмотримъ.

Близъ Ерисса дѣйствительно находится такъ называемая агіазма апостола Павла. Я видѣлъ ее 30-го іюня 1858 года. Она укрыта въ мѣловомъ приземистомъ холмѣ, что подлѣ мѣловой скалы, вдающейся въ Ериссовскій заливъ моря; и вотъ положеніе ея. Внутри сего холма, утесистаго снаружи, естественная не низкая разсѣлина когда-то была немного расширена, удлинена, и снизу вверхъ обтесана руками человѣческими, такъ что походитъ на узенькій коридоръ въ шестнадцать шаговъ длины съ правильнымъ коробовымъ сводомъ. Сквозь этотъ сводъ сочится прѣсная вода, и капельками сбѣгаетъ по откоснымъ стѣнамъ разсѣлины въ лунки

на ровномъ полу ея. Эти капельки при огнѣ отъ свѣчь кажутся брилліантами. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ онѣ образовали на стѣнахъ такъ называемые сталактиты (наплывы) мѣловые *). При мнѣ вся эта разсѣлина, или пещера была весьма влажна; а лужайку воды я замѣтилъ только у задней стѣны ея, что противъ входа съ сѣверной стороны. Но кромѣ этой лужайки въ самой же пещерѣ, въ семи шагахъ отъ входа въ нее, налѣво находится водоемецъ въ уровень съ поломъ, и находится въ особомъ маломъ, но высокомъ углубленіи, изсѣченномъ людьми въ скалѣ. Сей-то водоемецъ и называется агіазмою апостола Павла. Тутъ-де разсѣлась подъ нимъ земля и скрыла его отъ озорниковъ, давъ ему проходъ въ Кассандру (Паллини) подъ двумя заливами моря, Сингитскимъ и Торонскимъ. Я, къ сожалѣнію, не измѣрилъ глубины водоемца, потому что не запасся ни веревкою, ни гирькою, да и воды не отвѣдалъ, потому что она была очень мутна. Ее взболтали Ериссовцы 29 іюня въ праздникъ апостола Павла. Тогда всѣ они послѣ обѣдни ходили въ пещеру и тутъ помазывали дѣтей своихъ святою водою, смѣшанною съ мѣловымъ иломъ, а помазывали крестообразно на челѣ и щекахъ **). Излишекъ воды изъ этого водоемца стекаетъ по жолобу, или по разсѣлинѣ, подъ поломъ пещеры, и вливается въ облицованный камнями ставокъ близъ входа въ нее. Тутъ стоитъ развѣсистое дерево дикое. Все это срисовано и помѣщено въ моемъ Живописномъ обозрѣніи Аѳона.

Весьма замѣчательна эта пещера. Я полагаю, что она за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова открыта была первобытными жителями Аѳонскаго перешейка, и обдѣлана Аканѳянами, которые на мѣстѣ нынѣшняго Ерисса имѣли свою торговую пристань въ Стримонскомъ заливѣ Эгейскаго моря. Эти Аканѳяне, какъ мы уже знаемъ, почитали Аполлона и изображали его на всѣхъ монетахъ въ видѣ льва, пожирающаго вола у скалистой пещеры. А гдѣ почитаемъ былъ Аполлонъ, тамъ ему неотмѣнно посвящаемо было стадо воловъ, которые приносились въ жертву ему,

*) Эти сталактиты не толсты, следовательно, не очень древни.

***) Такіе кресты на дѣтскихъ лицахъ я видѣлъ въ Ериссѣ.

и потому никѣмъ изъ смертныхъ, боявшихся кары сего божества, не могли быть съѣдаемы. Стало быть, такое стадо принадлежало и Аканѳосскому Аполлону, и считалось заповѣднымъ. Монахское изображеніе сего божества у скалистой пещеры заставляетъ полагать, что Аканѳяне приносили ему воловъ въ жертву у описанной мною пещеры, изъ которой струится вода. Весьма вѣроятно, что тутъ былъ и оракулъ, который прорицалъ имъ будущее. А такъ какъ всѣ елліны вѣровали, что богъ морей Посидонъ для морскаго же полубога Протея, владѣвшаго и Торонскимъ близъ Аѳона заливомъ, устроить подъ моремъ пещеры и сухой проходъ отъ Кассандры до Египта, и сдѣлавъ разсѣлину въ Кассандрѣ, велѣлъ ему сойти въ нее и отправиться въ Египетъ: что онъ и исполнилъ⁹⁾; то и Аѳоно-Аканѳяне и сосѣди ихъ Аполлоніаты и Кассандрійцы имѣли такую же вѣру и воображали Протеевы ходы подъ заливами, Сингитскимъ и Торонскимъ.

Вся эта Аканѳосская мѣология выказывается въ вышеннеложенномъ преданіи. По этому преданію.

Апостоль Павелъ укрылся въ стадѣ воловъ.

Явный намекъ на стадо Аполлона, которое считалось священнымъ и служило убѣжищемъ для гонимыхъ.

Потомки озорниковъ, хотѣвшихъ наругаться надъ нимъ, не ѣли и не ѣдятъ воловьяго мяса, боясь, какъ бы не потекла изъ нихъ кровь;

Явный намекъ на карательный запретъ употреблять въ пищу воловъ, посвященныхъ Аполлону.

Озорники стѣснили Павла у пещеры, дабы тутъ осквернить его, вѣроятно, идоложертвенными снѣдами;

Явный намекъ на священность этой пещеры, у которой совершалась жертвоприношенія Аполлону.

Подъ Павломъ разсѣлась земля; и онъ скрылся въ ней, и очутился въ Кассандрѣ, гдѣ находится подобная разсѣлина.

Явный намекъ на подводный путь Протея, съ которымъ смѣшались апостола Павла.

Итакъ, описанная мною мѣстность, служеніе тутъ Аполлону, доказываемое мѣстными монетами Аканѳоса, существованіе сосѣд-

наго города Аполлоніи, упомянутого Плиніемъ, мѣстическая обстановка преданія, совершенно соответствующая мѣстности и вѣрованіямъ Аканѳянь, Аполлоніатовъ и Кассандрійцевъ, все это представляется вниманію въ полномъ согласіи взаимномъ. Слѣдовательно, преданіе въ сущности своей, безъ мѣстической обстановки, должно быть вѣрно и весьма древне. Если бы апостоль Павелъ не былъ въ Аѳонской Аполлоніи, то у языческихъ жителей сего города не было бы и мѣстическихъ воспоминаній о немъ. А если бы рассказъ о пришествіи его туда и о поруганіи *выдуманъ былъ* уже христіанами, когда они овладѣли пещерою Аполлона и освятили въ ней воду во имя св. Павла; то къ разсказу ихъ не примѣшалась бы мѣстическая, потому что она строго воспрещена была христіанамъ, и нетерпима ими. Но мѣстическая-то и характеризуетъ преданіе, о которомъ идетъ рѣчь. Слѣдовательно, она вмѣстѣ съ нимъ есть произведеніе Аѳонскихъ язычниковъ, а не христіанъ. Не вторые, а первые облекли мѣсто бывшаго у нихъ апостола Павла, и облекли ранѣ введенія христіанства на Аѳонѣ.

Такъ это по логикѣ. Но говоритъ ли священная исторія о томъ, что сей апостоль былъ въ Аѳонской Аполлоніи?

Говоритъ. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (гл. 17) упомянуто, что онъ изъ Македонскаго города, Филиппы, прошелъ въ Фессалонику чрезъ Амфиполь и Аполлонію. Городъ Амфиполь въ его время находился близъ устья рѣки Стримона, впадающей въ Эгейское море недалеко отъ Аѳонскаго перешейка. Это извѣстно всякому, знающему древнюю географію, или исторію Фукидида, который лично былъ въ семь городѣ. Что касается до Аполлоніи, то на пути отъ Амфиполя до Фессалоники, во дни Павла, стояла Аполлонія, та самая, которую Плиній ставилъ на Аѳонскомъ перешейкѣ. Другаго соименнаго города тогда не было на этомъ пути. Ибо близняя Аполлонія Халкидикійская, чрезъ которую можно было Павлу идти изъ Амфиполя въ Солунь, давно была разорена до основанія еще отцомъ Александра Македонскаго Филиппомъ; да и жители ея, какъ мы уже знаемъ, перешли на Аѳонскій перешеекъ, и, поселившись у Аканѳосской пристани, дали ей

названіе первой родины своей, разрушенной и оплаканной. Итакъ, апостоль Павелъ дѣйствительно заходилъ въ Аполлонію Аѳонскую по пути въ Солунь.

Этимъ свидѣтельствомъ священной исторіи о немъ вполне оправдывается преданіе жителей Аѳонскаго города Ерисса, стоящаго на мѣстѣ Аполлоніи. А этимъ преданіемъ, какъ нельзя лучше, поясняется сказаніе св. Луки о шествіи Павла въ Солунь изъ Амфиполя чрезъ Аполлонію. Это Аполлонія Аѳонская. Тутъ былъ Павелъ, тутъ. По сказанію Луки, онъ только *проходилъ* чрезъ этотъ городъ. Но и преданіе не говоритъ, что онъ жилъ въ немъ, а даетъ знать только то, что онъ мимоходомъ проповѣдовалъ тамъ слово Божіе и былъ въ опасности.

Признаю вѣрнымъ Ериссовское преданіе безъ мѣстической обстановки его, признаю потому, что оно согласно съ повѣствованіемъ книги Дѣяній Апостольскихъ, и присовокупляю, что апостоль Павелъ въ Аѳоно-македонской Аполлоніи потерпѣлъ одно изъ тѣхъ стѣсненій, о коихъ онъ упомянулъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (7, 5), и что тамъ онъ *ночь и день пробылъ въ глубинѣ* (11, 25), не въ морской, какъ это прибавили отъ себя переводчики Новаго Завѣта на русскій языкъ (издан. 1822 г.), и не въ тюремномъ подземельѣ, гдѣ-то находившемся будто бы подъ берегомъ моря, какъ это придумали нѣкоторые толковники, а въ глубокой расщелинѣ, или пещерѣ, въ которой помѣстили его для укрытія отъ опасности. Я присовокупляю это не потому, что такъ проще и естественнѣе объясняются слова Павла, *ночь и день во глубинѣ сотворихъ*, но потому, что эту глубину указываетъ Аѳонское преданіе, имѣющее сильный оттѣнокъ мѣстности. Признать вѣрнымъ такое указаніе неизбѣжно, коль скоро признается согласіе преданія съ повѣствованіемъ Луки о прохожденіи Павла чрезъ Аполлонію Аѳонскую.

Но если Павелъ дѣйствительно былъ въ семь городѣ и потерпѣлъ стѣсненіе, то какимъ образомъ къ этому событію примѣшалось баснословіе? Очень просто. Павла, какъ римскаго гражданина, котораго нельзя было обижать безнаказанно (Дѣян. 16,

37—39), Аѳоно-римскій начальникъ на ночь укрылъ отъ озорниковъ въ Аполлоновой пещерѣ, какъ въ мѣстѣ безопасномъ, и, когда они утромъ увидѣли его у священнаго стада, приказалъ держать его въ той же пещерѣ весь день, и ночью выпроводить въ Солунь. Онъ былъ выпровожденъ туда. А озорники, не зная сего, рѣшились осквернить его въ самой пещерѣ, однако не застали его тутъ и воротились домой. Между тѣмъ въ городѣ тѣмъ же начальникомъ ловко пущена была молва, что проповѣдникъ новаго, неслыханнаго ученія ушелъ Протеевымъ путемъ и очутился въ Кассандрѣ. Этой молвѣ повѣрили мѣстные греки, какъ сущей правдѣ, воображая, что подь моремъ начиная отъ Аѳона до Египта, находятся пещеры и сухіе проходы, сотворенные для Протея *). Потомъ римскаго начальника и военную стражу его замѣнилъ другой трибунъ съ другимъ отрядомъ; а словущая молва осталась и переходила изъ рода въ родъ. Въ 379 году по указу царя Θεодосія Великаго упразднены были всѣ прорицалища, слѣдовательно и Аѳонское въ Аполлоновой пещерѣ. Вскорѣ послѣ сего христіане, которыхъ было уже много на Аѳонѣ, когда братъ сего государя построилъ церковь въ тамошнемъ городѣ Діонѣ, овладѣли этою пещерою, расширили и подвысили ее, а воду въ ней освятили во имя апостола Павла въ память пребыванія его въ Аполлоніи и избавленія отъ опасности. Но между ними оставались потаенные язычники и, чтя Аполлона, воздерживались отъ мяса воловъ, яко посвященныхъ сему божеству животныхъ. Это воздержаніе ихъ первые мѣстные христіане выставляли своимъ дѣтямъ и внукамъ, какъ доказательство стариннаго запрета язычникамъ употреблять въ пищу воловъ Аполлона, и какъ улику согражданамъ въ тайномъ почитаніи сего мнимаго бога. Когда же увѣровали во Христа и потаенные язычники и потомки тѣхъ озорниковъ, которые хотѣли наругаться надъ апостоломъ Павломъ; тогда преданіе о немъ рассказывалось, какъ и прежде, съ мвен-

*) Въ этомъ мѣстѣ скрывается дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, отъ Аѳона до Египта была суша, когда не существовало ни Эгейское, ни Средиземное море.

ческою прикрасою, единственно для воспоминанія стариннаго повѣрія; но ни рассказчики, ни слушатели не придавали никакого историческаго значенія этой прикрасѣ, не вѣря въ подводное путешествіе Павла и вѣря только тому, что онъ проповѣдывалъ слово Божіе въ ихъ городѣ и потерпѣлъ стѣсненіе, но спасенъ былъ отъ ругателей, которыхъ потомки чтутъ его память. Такъ этому вѣрятъ и нынѣшніе жители древней Аполлоніи; а ежели они говорятъ, что потомки противниковъ св. Павла и теперь не ѣдятъ воловьяго мяса, боясь, какъ бы не потекла изъ нихъ кровь, то говорятъ это, безъ сомнѣнія, въ шутку, издѣваясь, какъ сказалъ описатель сего преданія, надъ происхожденіемъ ихъ отъ рода озорниковъ. Насмѣшки язычниковъ надъ христіанами, и этихъ надъ тѣми, на вѣки сохранились въ народныхъ повѣріяхъ. Напримѣръ, я въ юности своей слышалъ отъ отца своего, что въ Ростовскомъ озерѣ, во время оно, являлся большой ракъ и обѣими клещнями благословлялъ какъ архіерей. Это явная насмѣшка тамошнихъ язычниковъ надъ первыми тамъ христіанами и надъ епископомъ ихъ. Припомните насмѣшку окрещенныхъ Кіевлянъ надъ Перуномъ, „выдыбай боже,“ и по ней разумѣйте и прочая таковая преданія, въ которыхъ однако скрывается правда, былъ. Такъ и въ Аѳонскомъ преданіи о Павлѣ кроется событіе историческое. Это преданіе въ связи съ сказаніемъ евангелиста Луки о прохожденіи сего апостола чрезъ Аполлонію, такъ вѣрно и такъ неустранимо, что историкъ Аѳона долженъ положительно сказать, что св. Павелъ словомъ Божіимъ оглашалъ жителей Аѳонской Аполлоніи, но безуспѣшно, и что онъ ночь и день пробылъ въ тамошней Аполлонской пещерѣ.

Разсказанное преданіе о Павлѣ вѣрно. Но таковы ли всѣ прочія преданія Аѳонскія? Разсмотримъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Преданія о началѣ христіанства на Аѳонѣ при Римскомъ императорѣ Каракаллѣ, при Солунскомъ проконсулѣ св. Димитріи великомученикѣ, и при Константинѣ Великомъ и ближайшихъ преемникахъ Его. Сужденія объ этихъ преданіяхъ.

§ 4. *О построеніи Аѳонокаракальскаго монастыря Римскимъ императоромъ Антоніемъ Каракаллою. 211—217 г. по Р. Х.*

Поклонникамъ и путешественникамъ, посѣщавшимъ Аѳонскую гору, тамошніе Каракальскіе монахи внушали, что ихъ монастырь построенъ Римскимъ императоромъ Антоніемъ Каракаллою. Это, ранѣе г. Гейнекція *), слышалъ Рикѳ, и хотя считалъ невозможнымъ, однако помѣстилъ въ своемъ сказаніи о греческой церкви, которое издано имъ въ 1698 году. Вотъ свидѣтельство его. „Греки вообще вѣрятъ, что Каракальскій монастырь основанъ былъ древнимъ императоромъ Римскимъ. Можетъ быть, они разумѣютъ Антонія Каракалла; но это невозможно“¹⁰). Иное преданіе сообщилъ врачъ Іоаннъ Комнинъ, издавшій описаніе Аѳона въ 1701 году. Онъ сказалъ глухо, что „Каракаллъ построенъ тѣмъ Антоніемъ Каракаллою, который изъ Рима“¹¹). Слово его повторилъ нашъ паломникъ Василій Барскій¹²). Какъ ни глухо сказаніе Комнина, но замѣчательно. Въ немъ скрывается историческая правда десятого вѣка. Мы раскроемъ ее въ свое время, а теперь, уважая свидѣтельство г. Рикѳ, подтверждаемое живописнымъ изображеніемъ императора Антонія Каракалла на западной стѣнѣ паперти соборнаго храма, гдѣ онъ, какъ ктиторъ, написанъ (1708 г.) въ военныхъ доспѣхахъ съ шлемомъ на головѣ, объяснимъ, какъ монахи каракальскіе ктиторомъ своимъ могли назвать сего императора, идолопоклонника и противника христіанъ. Въ то не очень давнее время (1568—1659), когда аѳон-

*) Io. Mich. Heineccii Abbildung der Griech. Kirche. Leipzig. 1711. p. 415.—»Einige Griechen geben den Kaiser Caracallam vor den Urheber aus, sie werden aber vielleicht nicht wissen, dass derselbe ein Heide und den Christen gar abgeneigt gewesen.«

скіе монастыри ревниво начали присвоить себѣ глубокую древность и хвалиться царственными ктиторами, кои Пульхеріею, кои Θεодосіемъ и Константиномъ, а иные строительствомъ самой Богоматери, въ это время и бѣдный Каракаллъ поддавался общему искушенію, и постарался приискать себѣ царственного ктитора постарше другихъ. Какой-то не неграмотный Каракаллиѳъ вспомнилъ соименнаго монастырю Римскаго императора Каракалла, быть можетъ, построившаго для военной стражи ту крѣпкую башню, которая впоследствии подъ именемъ его вошла въ составъ монастыря, и предложилъ своимъ собратіямъ выдавать его за создателя ихъ обители. Эти приняли предложеніе его, подкрѣпляемое старинною и замѣчательною по постройкѣ башнею *), и изобразили императора на самомъ видномъ мѣстѣ, при входѣ во храмъ съ паперти, а въ оправданіе того побужденія, по которому онъ рѣшился-де построить монастырь, примѣнили къ нему апокрифическое повѣствованіе о преподобномученицѣ Параскевѣ, *яже отъ вѣтхаго Рима*, пострадавшей при Антоніи *), и распространили молву, что этотъ Антоній есть императоръ Каракаллъ, и что онъ увѣровалъ во Христа, бывъ пораженъ чудесами Параскевы, и построилъ для ней Каракальскій монастырь на Аѳонѣ. Но такая молва пустая, отринутая Филоѳеитомъ въ самомъ началѣ критическаго разсужденія его объ Аѳонѣ, недостойна вниманія историка.

§ 5. *О построеніи храма на мѣстѣ нынѣшняго Ватопедо-Дмитріевскаго скита Солунскимъ проконсуломъ Димитріемъ, въ послѣдствіи великомученикомъ.*

Не должно вѣрить всѣмъ разсказамъ Аѳонскимъ, когда они

*) Περιγραφή τοῦ Ἁθῶ, Θεοδορίτου κεφαλ. ε.—»Ὁ ἐν τούτῳ μοναστηρίῳ πύργος ἔργον ἐστὶ ἐπιστήμονος καὶ ἀρχαίου τεχνίτου. διότι πᾶσα ἡ οἰκοδομή ἐν ἐγένετο μίγμα, οὔτε ἐρράγη ἐν οὐδενὶ μέρει οὐδαμῶς. ἔχει ἔσωθεν ἀποκρύφους τόπους εἰς τῷ βλέπειν μὲν τοὺς ἔσωθεν, μὴ βλέπεσθαι δὲ τοὺς ἐκ τοῦ πύργου πολεμοῦντας. Если Каракалла велѣлъ построить эту башню для охраненія соседняго города Клеонъ; то это было тогда, когда онъ проживалъ въ Македоніи. Herodian. L. IV.

*) Kalendaria ecclesiae, Assemani. Romae. 1755. T. VI. pag. 500. Quae de eius (Parascevae) vita Graece Latineque habentur, prorsus sunt fabulosa sic, ut difficillimum futurum sit, aliquid solidae veresimilitudinis ex tanta caligine prudenter ratiocinando elicere. Прологъ 26 іюля.

не подтверждаются ни исторією, ни надписями, ни другими памятниками древности. Напримѣръ: нашему паломнику Барскому въ 1744 году рассказывали Ватопедодмитріевскіе скитники, „что храмъ у нихъ сначала былъ построенъ въ честь Богородицы св. великомученикомъ Дмитріемъ до страдальческой кончины его, потомъ переименованъ во имя его по причинѣ благоговѣнія къ нему, и по многократномъ обветшаніи и запустѣніи нѣсколько разъ обновлялся“¹³⁾. Но этотъ рассказъ не вполне вѣроуменъ, и вотъ почему. Во первыхъ, въ уставѣ Дмитріевскаго скита, начертанномъ въ 1759 году и подтвержденномъ подписью бывшаго Константинопольскаго патріарха Григорія, нѣтъ ни слова о построеніи скитскаго храма великомученикомъ Дмитріемъ, а сказано только, что на мѣстѣ Скита древле стоялъ монастырекъ прозываемый Халкеосъ, но былъ разоренъ Агарянами^{*)}. Во вторыхъ, въ 1628 году пріѣзжалъ въ Москву архимандритъ Макарій изъ Дмитріевскаго скита за сборомъ милостыни, и поднесъ государю Михаилу Федоровичу чудотворное полотно св. великомученика Дмитрія, подаренное этому скиту царственнымъ инокомъ Акакіемъ (Андроникомъ Палеологомъ), а поднесъ при грамотѣ Ватопедскаго монастыря: въ грамотѣ же этой прописана судьба этого полотна, и упомянутъ ктиторъ скита царь Андроникъ Палеологъ старшій, но ни слова не сказано о постройкѣ скитскаго храма великомученикомъ Дмитріемъ^{**)}. Знать, скитники тогда не говорили о томъ, чего не бывало на Аѳонѣ. Въ третьихъ, небывальщина, о которой идетъ рѣчь, не упомянута и въ критическомъ сочиненіи Филофента объ Аѳонѣ, хотя и кстати было упомянуть о ней тамъ, гдѣ перечислены мнѣнія святогорцовъ о построеніи монастырей ихъ Богоматерію, императоромъ Каракаллою, Константиномъ Великимъ и другими. Наконецъ, да будетъ принято во вниманіе и мое свидѣтельство отрицательное. Въ 1846 году 9 мая я былъ въ Дмитріевскомъ скиту и зорко осмотрѣлъ соборный храмъ его, но

*) Уставъ сего Скита помѣщенъ въ Оправданіяхъ исторіи скитовъ Аѳонскихъ.

***) См. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. част. 2-я. С. П. Б. 1860. стр. 49—51.

не нашелъ въ немъ никакихъ признаковъ глубочайшей древности. Расписанъ онъ въ 1755 году. Паперть пристроена къ нему въ 1796 году. Изъ четырехъ мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ куполь его, двѣ новы, 1777 года, а двѣ треснувшія и связанные желѣзными обручами, изваяны въ средніе вѣка, какъ это доказываютъ ихъ наглавія, не Ионическаго, не Коринтскаго и не Дорическаго ордена. Скитники говорили мнѣ, что до возстанія еллиновъ въ 1821 году они ежегодно получали изъ Солуны 4½ пуда ризу отъ сродниковъ великомученика, но о постройкѣ храма иждивеніемъ его и не заикнулись. Итакъ, пока, ничѣмъ нельзя доказать, что первая христіанская церковь на Аѳонѣ создана была св. Дмитріемъ, который родился въ Солунѣ (sic), и тамъ же замученъ былъ въ 306 году. Скорѣе можно думать, что на мѣстности нынѣшняго Дмитріевскаго скита храмъ во имя св. Дмитрія построенъ былъ Солунскими гражданами въ четвертомъ вѣкѣ (§ 13).

§ 6. *О перемѣщеніи жителей Аѳона въ Пелопонесъ, о поселеніи монаховъ на этой горѣ, о постройкѣ церкви Карейской и монастырей Ватопедскаго и Кастамонитскаго при Константинѣ Великомъ, и о разореніи ихъ Гуліаномъ.*

Не всѣ, а многіе святогорцы сами вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что святый и великій царь Константинъ переселилъ съ Аѳона всѣхъ жителей, Цаконовъ, въ Пелопонесъ и, отдавъ эту гору монахамъ, построилъ тамъ для нихъ соборную церковь въ Карей и монастыри Ватопедскій и Кастамонитскій. Такая увѣренность созрѣла въ нихъ въ теченіи долгаго времени. Она имѣетъ свои отголоски въ мѣстныхъ запискахъ и въ чужестранныхъ книгахъ, содержащихъ описаніе Аѳона. Передаю эти отголоски.

1. Недавній Аѳонскій сочинитель новаго Панегирика св. архидіакону Стефану, въ которомъ помѣщены нѣкоторыя событія въ Кастамонитскомъ монастырѣ, мимоходомъ упомянулъ, что „Константинъ Великій во время своего царствованія переселилъ съ Аѳо-

на Цаконовъ въ Пелопонисъ, *какъ говорятъ историки*, и что начальники сей горы (Проты) присутствовали на всѣхъ вселенскихъ соборахъ, начиная съ Никейскаго¹⁴⁾.

2. Нашъ Барскій въ 1744 году слышалъ и записалъ, что „храмъ въ Кареѣ, именуемый Протатъ, отъ плинѣхъ крѣпкихъ жженныхъ созданъ еще благочестивымъ царемъ Константиномъ въ 335 году въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, его же послѣди отступникъ Іуліанъ въ 362 году сожже, иже и до нынѣ на стѣнахъ внутри очернѣлый отъ дыма зрится. Се же, мню, бысть прежде населенія и умноженія тамо иноческаго, егда еще миретинъ жительствовашу въ градѣхъ и весѣхъ (аѳонскихъ)“. По словамъ того же Барскаго, „пресловутый и древнѣйшій всѣхъ монастырь, нарицаемый Ватопедъ, созданъ отъ великаго въ царѣхъ Константина во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, по нѣсколькихъ же лѣтѣхъ разорися отъ отступника Іуліана: а монастырь, Кастамонитъ наречеса отъ древесъ каштановыхъ, ихъ же имать множество, понеже по гречески *Кастана* именують каштаны, *мони* же обитель, и оттуда сложися Кастамони, си есть Каштановая обитель; иные же повѣствуютъ, яко тамо съ начала древле, прежде созданія монастыря скитъ бѣше, и въ немъ жительствоваше нѣкѣй безмолвникъ, именуемый Кѳонста, и нарицашеса мѣсто оное Кѳонстамони, еже есть Кѳонстина обитель, а оттуду преиде проименованіе и на монастырь; прочіе же вѣроятнѣе глаголють (еже и написано обрѣтохъ), яко отъ благочестиваго и святаго царя Константина нарицается сице Кѳонстамони, си есть Константинова обитель, яко оную первѣе созда. (Путеш. Барскаго стр. 604, 617, 676. С. П. В. 1785 г.).

3. Ранѣе Барскаго Гейнекцій, въ 1711 году описывая Аѳонъ замѣтилъ, что „старая церковь въ тамошнемъ монашескомъ городѣ Кареѣ построена Константиномъ Великимъ въ память успенія Маріи, и что этотъ же государь создалъ и Ватопедъ, который считается древнѣйшимъ изъ всѣхъ монастырей на Аѳонѣ.¹⁵⁾

4. Прежде Гейнекція врачъ Іоаннъ Комнинъ въ своемъ краткомъ описаніи Аѳона, 1701 года, помѣстилъ слѣдующія замѣтки:

„Протатскій храмъ, обширный и наилучшій изъ всѣхъ, чествуемый во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенъ Великимъ Константиномъ, а потомъ внутри сожженъ отступникомъ Іуліаномъ, и посему кажется кое-гдѣ почернѣвшимъ отъ дыма“. „Велелѣпнѣйшій монастырь Ватопедскій, чествуемый во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, созданъ Великимъ Константиномъ, спустя же нѣсколько лѣтъ разоренъ отступникомъ Іуліаномъ“. „Монастырь Кастамонитъ названъ такъ потому, что онъ есть обитель Константа (*Κόστατος μονή*) то есть, святаго и великаго Константина; ибо онъ былъ первый ктиторъ сего монастыря“¹⁶⁾.

5. До Іоанна Комнина Рикѳъ въ 1698 году напечаталъ свое краткое описаніе Аѳона и, оговорившись, что весьма трудно отыскать начало построения тамошнихъ монастырей, сказалъ о нихъ, что слышалъ отъ святогорцовъ. По словамъ его „Протатская прекрасная церковь въ Кареѣ построена Константиномъ Великимъ и посвящена Успенію Пресвятой Дѣвы; Ватопедскій монастырь считается самымъ древнимъ на Аѳонѣ; его создалъ Константинъ Великій, а разрушилъ отступникъ Іуліанъ, возобновили же благочестивые христіане“¹⁷⁾.

6. Въ 1659 году въ нашемъ Иверовалдайскомъ монастырѣ напечатана была книга, *Рай мысленный*. Въ ней помѣщено слѣдующее сказаніе святогорца Стефана о построении монастырей на Аѳонѣ Константиномъ Великимъ. „Царь Константинъ на этой горѣ, въ этомъ удѣлѣ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, воздвигнулъ три великія обители въ память святаго и честнаго Успенія Ея, первую *на всходѣ*, гдѣ присталъ корабль съ Богоматерію, вторую *на сонмиши*, гдѣ Она благовѣстила людямъ и крестила ихъ, третью *на спускѣ*, гдѣ вошла въ корабль и отплыла назадъ, и въ этихъ обителяхъ посадилъ множество иноковъ, и нарекъ ихъ садомъ Пречистой Дѣвы, а гору заповѣдалъ называть святою, городъ же Аполлонію переименовалъ въ Террессо, что значитъ, *освященный*, потому что онъ, находясь близъ святой горы, освящался ею. По преставленіи же Константина царя и Константія сына его воцарился Іуліанъ Отступникъ, и разру-

нили все, что было воздвигнуто царемъ Константиномъ, но скоро погибъ съ шумомъ. А мѣсто Пречистой Богородицы наполнилось иноческими селеніями и божественными кровами, какъ весенними цвѣтами“¹⁸⁾).

Не имѣя теперь подъ руками описанія Аѳона, составленнаго Беллоніемъ и изданнаго въ 1551 году, я не знаю: говорилъ ли онъ что либо подобное вышеназваннымъ сказаніямъ Стефана, Рикò, Комнина, Гейнекція и Барскаго *). Впрочемъ, ни его согласіе съ ними, ни молчаніе не важно, потому что онъ, какъ извѣстно, описывалъ Аѳонъ не по тамошнимъ памятямъ, а наглядно.

Но оставимъ его въ сторонѣ и обратимся къ вышеприведеннымъ шести передатчикамъ монашескихъ разсказовъ, чтобы посмотрѣть имъ въ лице и узнать: заслуживаютъ ли они вниманіе историка.

Въ числѣ этой шестерицы Гейнекцій повторилъ слова Рикò, а Барскій перевелъ сказаніе Комнина; Рикò же и Комнинъ что писали, то писали съ голосу святогорцовъ; слѣдовательно, показанія ихъ, какъ отголоски чужихъ мнѣній, не могутъ быть уважены историкомъ; и онъ долженъ обратиться къ самимъ святогорцамъ, и ихъ позвать на судъ и поставить на очную ставку другъ съ другомъ, съ посторонними достовѣрными писателями объ Аѳонѣ, и съ тамошними актами, дабы открыть ложь, или правду, или смѣсь той и другой.

По разсказамъ святогорцовъ Константинъ Великій совершилъ два дѣла на Аѳонѣ: 1) отдалъ эту гору монахамъ, переселивъ жителей ея въ Целопонисъ, и 2) построилъ одну церковь и два монастыря. Но эти разсказы не основательны, и вѣрить имъ не должно по слѣдующимъ причинамъ.

Во первыхъ, святогорцы, говоря о дѣйствіяхъ царя Константина на Аѳонѣ, ссылаются на историковъ: а какихъ историковъ разумѣютъ, Аѳонскихъ, или Византійскихъ, этого не гово-

*) Ничего подобнаго не говорилъ онъ, какъ это видно изъ его описанія Аѳона, которое я купилъ уже въ Кіевѣ и помѣстилъ въ своей Статистикѣ этой горы.

рять. Можно ли же вѣрить голословнымъ показаніямъ ихъ? Никакъ нельзя, и вотъ почему. Ни одинъ Византійскій историкъ не упомянулъ о заселеніи Аѳона монахами во дни Константина Великаго: святогорцы же никогда не писали исторіи своихъ монастырей, и даже воспрепятствовали писать ее Есфигменскому игумену Θεодориту, о чемъ онъ упомянулъ въ своемъ описаніи Аѳона. Вотъ его слова. „Подумаешь, что многое, достойное знанія историковъ, то—не оповѣщено филологами по причинѣ небрежности тѣхъ, которые знали дѣла своего времени, то—мимоходомъ описано кратко и неясно, такъ что мы, позднѣйшіе, не можемъ имѣть никакого здраваго понятія о прошломъ бытѣ, я рѣшился сочинить послѣдовательную исторію Аѳона. Это угодно было предстоятелямъ великой Лавры Аѳанасія, а другимъ не понравилось. Тогда я спросилъ Ватопедскаго учителя *куръ* Иосифа: почему иные не хотятъ, чтобы написана была ясная исторія Горы? Онъ отвѣтилъ мнѣ: потому что нѣкоторые монастыри не имѣютъ дѣписаній *древнихъ*, а прослыть монастырями *новыми* имъ нелюбо тѣмъ болѣе, что они возводятъ свою древность ко временамъ отдаленнымъ“¹⁹⁾). Если же историковъ Аѳонскихъ не было, а Византійскіе не говорили о дѣйствіяхъ Константина Великаго на Аѳонѣ; то ссылка святогорцовъ на какихъ-то историковъ, конечно не Китайскихъ, не удовлетворяетъ точнаго изыскателя исторической правды.

Во вторыхъ: въ многочисленныхъ грамотахъ царскихъ и патриаршихъ, кои пожалованы были святогорскимъ монастырямъ, нѣтъ ни слова о поселеніи монаховъ на Аѳонѣ во время Константина Великаго. А въ числѣ лицъ, подписавшихъ дѣянія вселенскихъ Соборовъ, не значится ни одинъ Протъ, ни одинъ апокрисиарій Аѳонскій, тогда какъ значатся представители иныхъ монастырей. Итакъ Кастамонитскій панегиристъ неосновательно сказалъ, что Аѳонскіе Проты присутствовали на этихъ Соборахъ. (Они иногда засѣдали въ снудѣ Константинопольскихъ патриарховъ, но уже въ позднее время, съ одинадцатаго столѣтія).

Въ третьихъ: Когда царствовалъ Константинъ Великій, тогда

монашество только что начиналось въ Египтѣ, Палестинѣ и Сиріи, а въ Римѣ и на всемъ Западѣ, въ Константинополѣ, Оракии, Македоніи, гдѣ и Аѳонѣ, и въ прочихъ областяхъ Константиновой имперіи не было ни одного монастыря *). Какимъ же монахамъ могла быть отдана тогда Аѳонская гора? Константинъ, какъ мы знаемъ отъ Евсевія, Сократа, Созомена, построилъ много церквей для христіанъ, но не основалъ ни одного монастыря²⁰⁾. Онъ потребовалъ отъ Кесарійскаго епископа Евсевія 50 экземпляровъ священнаго Писанія для приходскихъ церквей своей новой столицы, но не для монастырей, которыхъ тогда не было. Напрасно же Аѳонъ твердитъ себѣ и другимъ, что первый христіанскій царь былъ первый учредитель Аѳонскаго монашества. При немъ въ 325 году былъ первый вселенскій Соборъ въ Никее; а этотъ Соборъ не постановилъ ни одного правила касательно монаховъ; значитъ, тогда монашество не только не было признано католическою церковію, какъ высшее проявленіе христіанскаго житія, но еще и не распространилось изъ новенькихъ келлій Аммуна, Антонія и другихъ первобытныхъ отшельниковъ. Откуда же оно явилось бы на Аѳонѣ? Ты скажешь мнѣ, что могли быть тамъ подвижники подобные Олимпійскому Евтихіану: а я попрошу тебя доказать мнѣ исторически, что они тамъ *были*. Но исторія ничего не скажетъ тебѣ объ этомъ. Ватопедская же гробница язычника Германа Иракла, 321 года, напомнитъ, что при Константинѣ Великомъ на Аѳонѣ жили идолопоклонники.

Въ четвертыхъ: на этой горѣ, во дни сего государя и послѣ него, даже въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ, существовали города, Аѳосъ, Стратоникія, Діонъ, Олофикосъ, Аканѳосъ, Аполлонія и другіе. Они перечислены въ извѣстномъ сочиненіи Стефана Византійскаго *о городахъ, περί πόλεων*, которое въ сокращеніи под-

*) Socrat. histor. eccl. L. I. c. 13. Историкъ Сократъ упомянулъ о нѣкоемъ Евтихіанѣ, подвизавшемся вмѣстѣ съ ученикомъ его Авксанономъ у Олимпійской горы, что въ Визоніи, и лично извѣстномъ Константину Великому: но изъ разсказа его о немъ и о чудотвореніяхъ его видно только то, что онъ былъ мужъ боголюбивый, ἀνὴρ θεόφιλος, аскетъ, цѣлитель душъ и тѣлъ, но не монахъ *монастырскій*. О какомъ либо монастырѣ на сказанномъ Олимпѣ у Сократа нѣтъ ни слова.

несено было Іустиніану I, воцарившемуся въ 527 году. Если бы святогорцы знали и читали это сочиненіе; то не стали бы говорить о томъ, чего не бывало на Аѳонѣ, т. е. о перемѣщеніи жителей его при Константинѣ Великомъ и о поселеніи монаховъ на этой горѣ будто-бы по волѣ его. Но извинимъ ихъ неначитанность.

Въ пятыхъ: Стефанъ святогорецъ о постройкѣ трехъ церквей на Аѳонѣ Константиномъ Великимъ сказалъ такъ неопредѣленно и такъ темно, что не возможно узнать: на какомъ тамъ *всходѣ, спускѣ и сонмищѣ* стояли онѣ. Возвышеній и покато-стей тамъ весьма много: а сонмища, то есть сборныя мѣста, или торжища, были въ каждомъ городѣ, въ Клеонахъ, Кареѣ, Стратоникѣ, Діонѣ, Аполлоніи, Аканѳосѣ и т. д. Гдѣ же именно прикажете отыскивать онія церкви? Этотъ же Стефанъ сообщилъ, что царь Константинъ повелѣлъ называть Аѳонъ *святою Горюю*, а тамошній городъ Аполлонію переименовалъ въ Іериссо—*Святковъ*, потому-де, что онъ по близости своей къ этой горѣ освящался ею. Забавно! Но не то даютъ знать Аѳонскія древнѣйшія дѣписанія. Въ нихъ Аѳонъ называется просто горою; *Святою* же именовать ее повелѣлъ уже Константинъ Мономахъ, царствовавшій съ 1042 по 1054 годъ, а мірскихъ жителей ея выселилъ сперва Константинъ Погонать и послѣ него этотъ же Мономахъ, а потомъ царь Алексѣй Комнинъ около 1114 года²¹⁾. Въ этихъ же дѣписаніяхъ городъ Іериссо пишется Ериссо, а съ названіемъ Ериссо не соединяется понятіе о священности, или объ освященіи. Притомъ, во время Константина Великаго и даже въ пятомъ, шестомъ вѣкахъ, въ спискѣ Аѳонскихъ городовъ, у Стефана Византійскаго значился городъ Аполлонія, а объ Іериссѣ не было и помину. Итакъ Стефанъ святогорецъ, какъ писатель, не заслуживаетъ полного довѣрія *въ настоящемъ дѣлѣ*. Что касается до тѣхъ Аѳонитовъ, которые извѣстили врача Комнина, что Константинова церковь въ Кареѣ сожжена была Іуліаномъ, и которые въ доказательство пожара въ ней выставили внутреннюю черноту ея; то эти вѣстовщики такой глубокой древности, *засвидѣтельствованной дымомъ*, сами не знали, что говорили. И нѣсколь-

ко разъ былъ въ этой церкви и разсматривалъ ее зорко и долго, но не видѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ пожара. Внутренность ея, вся покрытая живописными изображеніями (фресками), потемнѣла отъ осадковъ пыли и копоти, и наипаче отъ сырости многоводной Карей. Эта церковь снаружи такъ не казиста и походить на такой убогій домъ, что даже бобры не почли бы ее постройкою Константина Великаго. Вся она съ основаній своихъ создана въ позднее время. Сперва склали ее, маленькую, монахи въ концѣ девятаго вѣка, а потомъ въ бѣльшемъ размѣрѣ съ основаній (sic) построилъ ее магистръ Левъ, братъ царя Никифора Фоки, по прозвѣ друга его Аѳанасія Аѳонскаго ²²⁾; послѣ же сожженія ея латинами въ октябрѣ мѣсяцѣ 1288 года, возобновили ее цари болгарскіе ²³⁾, а починилъ и расписалъ Протъ Серафимъ въ 1534—35 году ²⁴⁾. Все это доказывается не дымомъ, а достовѣрными свидѣтельствами, приведенными мною въ Оправданіяхъ настоящей исторіи Аѳона. Не лучше дыма святогорскіе рассказы и о Кастамонитѣ. Читая ихъ у Варскаго и Комнина, не знаешь: кто основалъ этотъ монастырь, безмолвникъ ли Конста, безвѣстные ли иноки, поселившіеся среди *каштановыхъ* деревъ и будто бы по нимъ назвавшіе обитель свою Кастаномони, короче, Кастамони, или царь Константинъ, котораго пресловутое имя никакой грекъ не превратитъ ни въ Константа, ни въ Консту. Меня и всякаго, знающаго греческій языкъ, смѣшитъ превращеніе прозванія монастыря Кастамонитъ въ Константинумони, или Константони. Оно такъ насильственно, такъ противно складу греческаго языка, въ которомъ изъ прозвища Кастамонитисъ никакъ не выйдетъ Константони, что такое насиліе можетъ быть объяснено только ревнивымъ умысломъ провозгласить Константина Великаго строителемъ Кастамонита, во что бы то ни стало. Вотъ до чего доводитъ соперничество святогорцовъ, когда они задумаютъ хвалиться древностію монастырей своихъ! Да они и изъ калгана сдѣлаютъ тебѣ Кагана, или Кастамонита переименуютъ въ Константина, лишь бы увѣрить тебя, если ты простъ, что монастырь у нихъ древній, царскій, Константиновскій, а не Ка-

стамонитскій. Но ежели съ ложью можно пройти весь міръ; то воротиться съ нею никакъ нельзя. Непремѣнно встрѣтишься съ обличителями. Такъ и Кастамонитскіе монахи, оболгавшіе святаго царя Константина, обличаются ихъ же подлинными грамотами, греческими и сербскими, въ которыхъ монастырь ихъ издревле постоянно пишется Кастамонитъ, а не Константони, обличаются и подписями древнихъ игуменовъ, скрѣпявшихъ разныя дѣписанія Аѳонскаго управленія и всегда подписывавшихся такъ: игумень Кастамонита, а не Константони.

Итакъ всѣ рассказы Святогорцовъ о поселеніи монаховъ на Аѳонѣ при Константинѣ Великомъ и о построеніи для нихъ Карейской церкви, Ватопеда и Кастамонита, суть вымыслы ревнивые. Вымыслами признали ихъ и Есфигменскій игумень Θεодоритъ и собесѣдникъ его Іосифъ, Ватопедскій учитель, и извѣстный намъ Филоѳентъ. Сей послѣдній положительно сказалъ, что „тѣ святогорцы, которые судятъ основательно и по дѣписаніямъ доискиваются начала монашества на Аѳонѣ, ненашли и помину о немъ ни въ исторіяхъ, ни въ Минейныхъ сказаніяхъ, до царствованія Михаила III и матери его Θεодоры, 840—867 г., при которыхъ въ первый разъ пришли на Аѳонъ нѣкоторые пустынники и безмолвники. Ἐτεροι δὲ ἐπιστατικώτερα κρίνοντες καὶ ἐρευνῶντες δι' ἀποδείξεων τὰς ἀρχὰς τῶν μοναχῶν ἐν τῷ ὄρει, λέγουσι πῶς ἐν τῷ ὄρει τούτῳ οὐχ εὕρισκεται οὐδεὶς λόγος ἐν ταῖς ἱστορίαις, οὔτε τοῖς τῶν ἁγίων σημειώμασιν ἐν τοῖς μηνολογίοις, ἀλλὰ μετὰ τὴν δευτέραν εἰκονομαχίαν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Μιχαὴλ βασιλέως υἱοῦ τοῦ Θεοφίλου καὶ Θεοδώρας, τότε μόνον βλέπομεν, καὶ ἦλθον ἐρημίται τινες καὶ ἡσυχασταὶ ἐν τῷ ὄρει. Вмѣстѣ съ этими основательными святогорцами и я не нахожу монаховъ на Аѳонѣ при Константинѣ Великомъ. Но во дни его были ли тамъ мірскіе христіане, и имѣли ли свои церкви?—Это иной вопросъ. Рѣшеніемъ его не занимались ни Θεодоритъ, ни Филоѳентъ, ни другіе ученые стятогорцы. Какъ же мнѣ рѣшить его? Постараюсь отвѣтить на него, но послѣ обсуждения остальныхъ повѣствованій святогорцовъ о царственныхъ покровителяхъ Аѳона,

именно, о Θεодосіи Великомъ, братѣ его, сынѣ его Аркадіи, и о сестрахъ Аркадія, Плакидіи и Пульхеріи.

§ 7. *О возобновленіи Ватопедскаго монастыря Θεодосіемъ Великимъ и сыномъ его Аркадіемъ.*

Извѣстный намъ врачъ Іоаннъ Комнинъ въ описаніи Аѳона помѣстилъ подробный разсказъ о возобновленіи Ватопедскаго монастыря, будто-бы построеннаго Константиномъ Великимъ и разореннаго Іуліаномъ²⁵). Этотъ разсказъ дословно перевелъ нашъ Барскій въ 1744 году. Передаю переводъ его, поставивъ между скобками то, чего нѣтъ въ подлинникѣ Комнина.

„Ватопедъ создася отъ различныхъ царей, первѣе отъ великаго въ царяхъ Константина во имя Благовѣщенія пресвятыя Богородицы; по нѣкошкихъ же лѣтѣхъ своего созданія, егда разорися отъ отступника Іуліана, обнови его великій Θεодосій царь (греческій 390 лѣта), ради собывшагося чудеси на его сынѣ Аркадіѣ; повѣсть же о немъ вкратцѣ есть сицева“:

„Имѣяше великій Θεодосій отъ царя своей Плакиллы двухъ сыновъ, Аркадія и Онорія нарицаемыхъ, и едину дочь, именуемую Плакидію. Аркадія убо остави наслѣдника царствія своего въ Константинополѣ, Онорія же и Константина зятя своего посла въ Римъ съ дочерію его, да тамо царствуетъ. Отыде же съ ними купно и Аркадіѣ. Возвращающися же вспять къ отцу своему Θεодосію въ Византію моремъ, случися великому быти тревоженію морскому, противу острова Имбро, недалече отъ святыя горы (Аѳонскія). Аркадіѣ же боящися бѣдства, не инно что зваше, точию, пресвятая Богородице помози мнѣ, и егда сѣмо и овамо (страха ради) прехождаше на кораблѣ, запятъ бывъ корабельными вервіями, паде въ море, и абіе, о чудесе, обрѣтесе на сушѣ въ святой горѣ, на мѣстѣ идѣже есть днесъ святой сей монастырь, подъ нѣкою купиною (иже прежде именовашесе Благовѣщенія, отъ тогожде времени проименовася гречески *Βατοπαίδιον*, еже російски толкуется *Купинодѣтіе* отъ обрѣтшагося подъ купиною Аркадія ца-

ревича, отрока суща тогда). По маломъ же часѣ достиже и царскій корабль къ пристанищу монастыря сего, и изшедше (князи и) вельможи внѣ на землю прискорбны ради погубленія Аркадія; и се, зрятъ его нечаянно подъ кустомъ купины спяща, и возрадовахуся радостію велиею, и тогда убо успокоишася. Егда же возбудися Аркадіѣ, повѣствова имъ чудо пресвятыя Богородицы: како избави его отъ потопленія морскаго и пренесе его тамо, идеже днесъ есть студенецъ недалече отъ пристанища при пирѣ пресвятыя Богородицы, и пребысть тамо съ вельможи своими дни многи, корабль же отосла въ Константинополь. Слышавъ же царь Θεодосій о случившемся сыну своему Аркадію, разгнѣвася на пловцевъ, и всади ихъ въ темницу, имущи намѣреніе умертвити ихъ; но въ то время приспѣ въ Константинополь Аркадіѣ по суху къ отцу своему Θεодосію. Онъ же радости исполнися, и Богородицу благодаривъ, абіе посла иждивенія и художниковъ искусныхъ, да созиждутъ на мѣстѣ ономъ, идѣже обрѣтесе сынъ его, церковь въ честь (пресвятыя) Богородицы, написа же и въ Римъ къ сыну своему Онорію и къ зятю своему (Константину) и къ Плакидѣ, яже приключишася (присно) Аркадію, и о созданіи храма. Сего ради они послана въ помощь созиданія и украшенія церковнаго деньги и имѣнія къ тому же и четыре столпа отъ камня порфирна, зѣло удивительны, на которые, сказуютъ, яко большее истощися иждивеніе, нежели на все зданіе церковное. По повелѣнію убо цареву, создаша первое единъ пирѣ, си есть башню съ церковію во имя рождества (пресвятыя) Богородицы, таже на странѣ сѣверной иную башню, послѣди иные четыре башни съ церквами даже до башни скевофлакии (си есть ризницы); посемъ начаша отъ первореченныя башни отъ страны морской основаніе даже до башни святого Предтечи и до башни святого великомученика Георгія, близь которыхъ въ основаніи положиша два мрамора, по повелѣнію царя, на подобіе буйволовъ; а отъ сихъ башенъ наченши паки съ иными двумя башнями, создаша даже до предреченныя башни скевофлакии, и сице сотвориша ограду треугольную съ десятию башнями лѣпотными (и высокими, отъ нихъ же иныя имуть высоты до 20 саженей, иныя

же больше, стѣны же на иныхъ мѣстахъ до осьми сажени на иныхъ же и до десяти, весь же монастырь внѣ стѣною окрестъ объемлетъ сажени двѣсти девять). И егда совершиша вся, прииде царь Аркадій съ святѣйшимъ патріархомъ (цареградскимъ) *Киръ Нектаріемъ*, и (предреченный) освятиша храмъ и возрадовашася зѣло. Кладязь же предреченный оставиша создатели внутрь олтаря, (его же и до нынѣ мѣсто подь престоломъ быти показываютъ, чернымъ мраморомъ покровенно) святую же трапезу утвердиша на четырехъ столпахъ бѣлыхъ. По седми же лѣтѣхъ царствования своего (385 лѣта) ходившу *Θеодосію* на брань противу отступника *Евгенія* въ Солунь, и возвращающуся мимо сея святыя горы побѣдителемъ, дарова нѣкія вещи многія монастырю сему, сосуды златы и серебряны и прочая драгоценная ради украшенія, и въ Македоніи дарова три метоха, и въ Серафѣ (окрестномъ Солунскомъ градѣ) семь весей“.

Весь этотъ рассказъ есть самый неудачный вымыселъ какого-то полуграмотнаго святогорца. Все въ немъ ложно. Опровергаю его съ помощію историковъ *Зосимы*, *Θеофана* и другихъ, предварительно изложивъ иные рассказы святогорцовъ.

Сочинитель рукописнаго *Проскинитарія* *Ватопедскаго*, т. е. описанія тамошнихъ достопокланяемыхъ святынь, повѣдалъ, что *Константинъ Великій* въ числѣ 900 церквей съ основаній построилъ и *Ватопедскую* обитель въ 5829 году отъ Адама, въ двадцатый годъ своего царствования, и что спустя 25 лѣтъ разрушилъ ее *Іуліанъ* богоотступникъ, а потомъ возобновилъ *Θеодосій* Великій въ четвертый годъ своего царствования, церковь же въ ней освятилъ патріархъ *Нектарій* въ присутствіи царя *Аркадія*. Когда же *Θеодосій* истребилъ въ Солунѣ 15,000 христіанъ, и когда *Медиоланскій* епископъ *Амвросій* далъ ему епитимію, да раздастъ милостыню бѣднымъ людямъ и монастырямъ; тогда сей государь послалъ въ *Ватопедъ* многіе сосуды золотые и серебряные, и церковь украсилъ *με ἱερά διαχρύσα*, *) а въ Македоніи далъ три метоха и семь деревень, да въ городѣ *Серафѣ* пожаловалъ такъ

*) Золотистыми ризами.

называемый *Βατοπαίδιον* со всеми угодыми его, а *Плакидія* кромѣ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, подарила дома и лавки *). И такъ *Ватопеду* даны *Θеодосіемъ* вклады и имѣнія не по случаю спасенія сына его *Аркадія* отъ потопленія, а по требованію епитиміи. Какая разногласица!

Κασταμονитскій панигиристъ св. архидіакона *Стефана*, упомянутый выше, сказалъ, что *Ватопедскій* монастырь строился по смерти *Θеодосія* въ царствованіе сына его *Аркадія*. А по словамъ *Комнина*, передавшаго *Ватопедскія* вѣсти, этотъ монастырь соорудилъ *Θеодосій*, когда *Аркадій* былъ еще малолѣтенъ. Кому же тутъ вѣрить? Или лучше: можно ли вѣрить, когда на *Аѳонѣ* въ двухъ ближайшихъ другъ къ другу монастыряхъ, *Κασταμονитѣ* и *Ватопедѣ*, вѣстовщики разногласятъ въ своихъ показаніяхъ? Не довѣріе, а сомнѣніе возбуждаютъ они во всякомъ, кто мыслить здраво и противорѣчій не терпитъ.

Стефанъ святогорецъ, какъ узнаемъ мы скоро, повѣдалъ, что *Ватопедъ* построенъ былъ *братомъ* царя *Θеодосія* по случаю избавленія роднаго сына его (а не царевича *Аркадія*) отъ гибели въ *Аѳонской* пучинѣ. Новое противорѣчіе, которымъ еще болѣе захлестывается узелъ!

По рассказу *Ватопедцовъ* у *Комнина* и *Барскаго*:

Царевичи *Аркадій* и *Онорій* и сестра ихъ *Плакидія* родились отъ супруги *Θеодосія* *Плакиллы*.

Онорія, *посланнаго* *Θеодосіемъ* въ Римъ, сопровождали туда *Аркадій*, *Плакидія* и мужъ ея *Константинъ*, за нѣсколько лѣтъ до пораженія *Евгенія*.

А по свидѣтельству восточныхъ историковъ:

Мать *Плакидіи* была вторая жена этого царя, *Галла* ²⁶⁾:

Одинадцатилѣтняго *Онорія* *Θеодосій* лично воцарилъ въ Римѣ уже *послѣ* *пораженія* *Евгенія*, за годъ до кончины своей ²⁷⁾. Тогда семнадцатилѣтній *Аркадій* оставался въ *Константинополѣ* подъ опекою сановника *Руфина*, а *Плакидія* была еще малолѣтна. Она уже по смерти отца своего *Θе-*

*) См. въ *Оправданіяхъ* исторіи *Ватопеда*. № 1.

одосія († 395 г. января 17) сочеталась бракомъ, сперва съ Готскимъ царемъ Адольфомъ (1 января 414 г.), а потомъ, по кончинѣ его, вышла, не за Константина, а за Константія (1 января 417 г.), который былъ военачальникомъ у брата ея римскаго императора Онорія, и уже имъ воздененъ въ санъ кесаря²⁸).

Евгеній пораженъ былъ въ 8-й годъ царствованія Θεодосія.

Побѣдитель Евгенія, возвращаясь въ Константинополь мимо Аѳона, подарилъ Ватопеду утварь и деревни.

Евгеній былъ разбитъ Θεодосіемъ и лишенъ жизни въ предпоследній 15-й годъ самодержавія сего государя²⁹).

Онъ скончался въ италянскомъ городѣ Медиоланѣ^{*}), и въ Константинополь привезенъ уже во гробѣ³⁰); слѣдовательно, послѣ поражения Евгенія Аѳона не видаль, и Ватопеду ничего не дарилъ.

Не могу вѣрить такому разсказу, который противорѣчитъ показаніямъ наилучшихъ историковъ, каковы Зосима, Идатій, Марцеллинъ, Орозій, Теофанъ. Не признаю самого событія по слѣдующимъ запрещеніямъ здраваго смысла и исторической критики. Во первыхъ: только въ сказкѣ можно представить малолѣтняго царевича, въ часъ бури на морѣ ходящаго по кораблю сѣмо и овамо, въ виду вельможъ его и дядьки, а на дѣлѣ это несбыточно. Если не вельможы, то корабельщики не допустили бы его ходить такъ по палубѣ судна, обуреваемого волнами разъяреннаго моря, да и самъ онъ побоялся бы этихъ волнъ, и не могъ бы держаться на ногахъ. Во вторыхъ: Аркадій, (будто бы) запутавшись въ корабельныхъ веревкахъ, упалъ въ море противъ острова Имбро-

^{*}) Pauli Orosii Hist. L. VII. c. XXXV. Theodosius, composita tranquillitaeque republica, apud Mediolanum constitutus, diem obiit.—Idatii episcopi Aquasflaviensis Chronicon. XVII. Theodosius invaletudine hidropis apud Mediolanum defunctus est anno regni sui XVII.—Marcellini comitis chronicon. Theodosius magnus apud Mediolanum vita decessit anno 395 ind. VIII. Corpus eius eodem anno Constantinopolin allatum, atque sepultum.

са, отъ котораго до Аѳона далеко, и вдругъ, о чуде, очутился у Ватопеда подъ кустомъ и заснулъ. Его (будто-бы) перенесла туда Божія мать. Но это чудо такъ чудно и такъ излишне, что, при всей вѣрѣ въ чрезвычайную помощь Богоматери, не вѣришь ему, и думаешь, что лучше было бы утишить бурю, или безопасно препроводить корабль въ Ватопедскую пристань, чѣмъ спасать царевича изъ волнъ и нести его по морю, подъ моремъ, по землѣ, по воздуху, не зная, гдѣ и какъ. Въ третьихъ: сбыточное ли дѣло, чтобы вельможы, оставшіеся съ Аркадіемъ на Аѳонѣ отослали корабль свой въ Константинополь, не давъ капитану его письма къ царю Θεодосію? Ужели они не понимали, что надлежало увѣдомить государя о спасеніи сына его, дабы онъ не беспокоился и не разгнѣвался на корабельщиковъ? Ужели капитанъ корабля былъ такъ легкомысленъ, что не попросилъ письма къ начальству своему для собственной безопасности? Это несбыточно. Итакъ, Ватопедскій разсказъ хуже складной сказки. Въ четвертыхъ: Плакидія, когда былъ живъ отецъ ея, была еще малолѣтна. Но разсказчикъ не зналъ сего, и сразу выдалъ ее за втораго мужа Константина, и выставилъ участницею въ постройкѣ Ватопеда, тогда какъ она и съ первымъ-то мужемъ, Адольфомъ, сочеталась бракомъ уже по смерти отца своего. Правду говорятъ, что лжецу надобно имѣть хорошую память. А ее-то и не имѣлъ жалкій вѣстовщикъ Ватопедской небывальщины. Онъ въ 1701 году подробно разсказалъ, какъ въ четвертомъ вѣкѣ строились башни и стѣны Ватопеда точь въ точь въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ стоятъ нынѣ, а о кельяхъ для монаховъ и забылъ. Слушай его и не понимаешь: гдѣ жили старцы и гдѣ помѣщались царь Аркадій и патріархъ Нектарій, когда, будто-бы, прибыли въ Ватопедъ освящать соборный храмъ его. Не достаетъ ни охоты ни терпѣнья выслушивать, или читать такія нелѣпости. Забудемъ ихъ, и прочтемъ иной Аѳонскій разсказъ. X

§ 8. *О постройкѣ Ватопедской церкви братомъ царя Θεодосія по случаю спасенія сына его отъ потопленія.*

Стефанъ святогорецъ иначе оповѣстилъ тотъ случай, по ко-

торому построенъ былъ Ватопедъ. Передаю слова его съ точностію.

„Ватовъ отрокъ, сынъ брата царя Θεодосіа, на морскомъ пути изъ Рима въ Константинополь, въ часъ бури, упалъ съ корабля въ море. Тѣ, которые везли его, прибыли въ Константинополь, и, подавъ Θεодосію письмо брата его, повѣдали гибель отрока въ Эгейской пучинѣ. Царь, услышавъ это, удивился тому, что югидъ одинъ племянникъ его, тогда какъ всѣ спаслись, и посадилъ ихъ въ темницу, заковавъ въ цѣпи. Но отрокъ спасенъ былъ чудодѣйствомъ пресвятой Богородицы, и очутился на сушѣ. Тутъ *невидимый голосъ* сказалъ ему, чтобы онъ на этомъ мѣстѣ *возобновилъ* храмъ въ память своего спасенія, а *нѣкоторые жители сего мѣста дали ему советъ*; и онъ сухимъ путемъ отправился въ Константинополь и, явившись царю, повѣдалъ ему все случившееся съ нимъ, и избавилъ невинныхъ узниковъ. Царь рѣшился *возобновить* храмъ, и отпустилъ отрока въ Римъ съ письмомъ къ брату своему. Этотъ принялъ его съ великою радостію и, возблагодаривъ Бога за чудесное спасеніе его, немедленно поставилъ въ корабль четыре большія колонны изъ краснаго камня, кои приготовилъ было, намѣреваясь построить въ Римѣ церковь въ честь св. апостола Іакова брата Господня и въ память вѣчную, и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ позолоченною мозаикою изъ стекла и съ разными замазками, красками и другими снадобьями. Когда же работники начали основаніе *изгчръпавать*, копать, расчищать; то нашли весьма глубокой колодець, а въ водѣ его икону, имѣющую образъ пречистой владычицы нашей Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, и большую литую свѣчу. И о такомъ чудномъ обрѣтеніи была великая радость и веселіе. Всѣ возблагодарили Бога и пречистую Матерь Его за такое чудо, и надъ колодеземъ водрузили святую трапезу, и состроили храмъ великій и благолѣпный, а внутренность его украсили различною мозаикою подстать живописи и покрывъ храмъ позолоченною мѣдью, и вокругъ оградивъ его высокими стѣнами, создали много дивныхъ и различныхъ покоевъ,

и назвали Ватопедомъ, что значитъ Ватовъ отрокъ“ ³¹⁾. (О монахахъ ни слова!)

Эта повѣсть сходна съ вышеизложеннымъ рассказомъ Комнина, но и разнится отъ него. Вотъ сходства: буря въ Эгейскомъ морѣ у Аѳона, паденіе отрока въ пучину, спасеніе его Богоматерію и отнесеніе на сушу къ развалинамъ храма, гнѣвъ царя Θεодосіа на корабельщиковъ, явившихся къ нему безъ отрока, и заключеніе ихъ въ темницу, прибытіе отрока въ Константинополь сухимъ путемъ, и, наконецъ, постройка храма на мѣстѣ спасенія его и водруженіе святой трапезы надъ устьемъ колодезя. А разности суть слѣдующія. У Стефана изъ Рима въ Константинополь ѣдетъ по морю сынъ не Θεодосіа царя, а брата его, и падаетъ въ Эгейскую пучину, не путаясь въ веревкахъ корабля, спасенный же Богоматерію, не спитъ подъ кустомъ, а слышитъ *невидимый голосъ*, повелѣвающій ему *возобновить* разрушенный храмъ. Вельможъ съ нимъ нѣтъ тутъ; нѣтъ и корабля, на которомъ везли его изъ Рима: корабль этотъ, потерявъ его, отплылъ прямо въ Константинополь. Отрокъ не знаетъ, что дѣлать; но мѣстные жители присовѣтовали ему ѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ, куда онъ и прибылъ благополучно. Разсказанное имъ Θεодосію приключеніе и чудесное избавленіе возбуждаетъ въ этомъ государѣ желаніе возобновить храмъ на мѣстѣ чуда. Но возобновляетъ его не Θεодосій, а братъ его и отецъ отрока, пославъ изъ Рима готовыя колонны и разные матеріалы. О дѣтяхъ Θεодосіа, Оноріи и Плакидіи, нѣтъ и помину. При копаніи фундамента открытъ колодець съ водою, и въ немъ найдена икона Богоматери съ вылитой изъ воску свѣчею. Подлѣ выстроеннаго храма возведены различныя горницы. А кѣмъ онъ освященъ былъ, это не сказано. Но за то прибавлено, что его прозвали *Ватопедъ* по имени-де спасеннаго Вата отрока.

Прочитавъ рассказъ Стефана, сознаешь, что этотъ святогорецъ сообщилъ весьма древнее Аѳонское преданіе о случайной постройкѣ Ватопедской церкви, но вмѣстѣ понимаешь и то, что сіе преданіе описано имъ неудачно. У него Ватовъ отрокъ пада-

еть въ море, не зная гдѣ, близъ-ли Ватопеда, или далеко отъ него; а какъ онъ узналъ, что его спасла Богоматерь, это не объяснено; таинственный же голосъ, повелѣвшій ему возобновить разрушенный храмъ, весьма загадоченъ. При томъ въ рассказѣ замѣтны рѣзкія несообразности. Судите сами. Возобновляется храмъ, разрушенный Іуліаномъ Богоотступникомъ († 363 г.), и возобновляется при благовѣрномъ Θεодосіи, который воцарился въ 379 году, а скончался въ январѣ 395 года, стало быть, спустя лѣтъ 20, или немного болѣе, послѣ разоренія его: а никто изъ *мѣстныхъ* христіанъ, копавшихъ фундаментъ, не знаетъ, что тутъ былъ колодезь, и что въ немъ была укрыта икона Богоматери съ восковою свѣчею! Такое не знаніе необъяснимо. О *чудномъ* обрѣтеніи иконы въ колодезѣ всѣ радуются и благодарятъ Бога и пречистую мать Его *за такое чудо*. Но что чудеснаго въ томъ, что въ колодезѣ нашлась икона съ восковою свѣчею? Все это нескладно. А самый конецъ Стефанова рассказа заставляетъ сомнѣваться въ дѣйствительности событія. Этотъ святогорецъ повѣдалъ, что выстроенный храмъ названъ былъ Ватопедомъ, и присовокупилъ переводъ сего названія съ греческаго на славянскій языкъ, Ватопеди значитъ Ватовъ отрокъ. Такой переводъ всякому еллинисту даетъ разумѣть, что Стефанъ вмѣстѣ съ современными ему греками писалъ это названіе такъ: *Βατοπαῖδι*: а при такомъ правописаніи оно дѣйствительно значитъ: *Вато отрокъ*. Но вотъ бѣда и улика Стефану и тѣмъ, у кого онъ перенялъ такое правописаніе! Во всѣхъ старинныхъ дѣписаніяхъ Аонскихъ и даже Ватопедскихъ, начиная съ одиннадцатаго вѣка до шестнадцатаго, названіе Ватопедъ постоянно пишется *Βατοπεδίου*, что значитъ *Ватова равнина* *). Стало быть, до шестнадцатаго вѣка никто на Аонѣ не думалъ и не воображалъ, что Ватопедъ названъ былъ по имени отрока Вата, или по имени отца его, Вата. Но почему же съ этого вѣка Стефанъ и сподвижники его греки перемѣнили *Βατοπεδίου* на *Βατοπαῖδι*, и начали толковать, что Ватопедъ значитъ Ватовъ отрокъ? Не потому ли, что выдумали сказку о чудесномъ спасеніи отрока Вата для опо-

*) Даже Іоаннъ Комнинъ въ своемъ описаніи Аона постоянно писалъ *Βατοπεδίου*.

вѣщенія глубокой древности Ватопедскаго монастыря? И не въ оправданіе-ли этой сказки начали писать и печатать *Βατοπαῖδι*? Возможное дѣло! Вотъ какое сомнѣніе порождаетъ въ умѣ это новѣйшее правописаніе, сопоставленное съ древнѣйшимъ, *Βατοπεδίου*! Невольно думаешь, что ежели одни Аонцы рѣшились переименовать монастырь Кастамонитъ въ Константинополи, короче, Константинополи, дабы Константина Великаго объявить ктиторомъ сего монастыря, то и другіе вздумали писать *Βατοπαῖδι* вмѣсто *Βατοπεδίου*, сложивъ сказку о знатномъ отрокѣ Ватовѣ, дабы увѣрить, кого надобно, что Ватопедъ построенъ былъ по случаю чудеснаго спасенія такого отрока отъ гибели въ морѣ, и названъ былъ именемъ его, или отца его, Вата.

Но нельзя ли устранить сомнѣніе и отстоять событіе при всей неудачности Стефанова рассказа, запутаннаго лексиконымъ толкованіемъ слова, *Βατοπαῖδι*? Попробуемъ, и сперва выйдемъ сущность этого рассказа, а потомъ допросимъ исторію о братьяхъ царя Θεодосія и о дѣтяхъ ихъ, и, наконецъ, посмотримъ: существуютъ-ли въ самомъ Ватопедѣ рукотворенные памятники, подтверждающіе событіе, которое Стефанъ рассказалъ такъ неудачно.

Изъ рассказа этого святогорца видно, что сынъ брата царя Θεодосія, ѣдучи моремъ изъ Рима въ Константинополь, застигнутъ былъ бурей у Аона, но спасся въ тамошней пристани у нынѣшняго Ватопеда, и оттуда уже сухимъ путемъ отправился въ Константинополь, гдѣ и рассказалъ царю Θεодосію свои опасности и избавленіе отъ нихъ. Погостивъ у него нѣсколько дней, онъ возвратился въ Римъ къ отцу своему, который и рѣшился построить церковь на мѣстѣ спасенія его отъ кораблекрушенія, и отправилъ туда четыре гранитныя колонны и мозаическія и другіе матеріалы, кои приготовлены были для новаго храма въ Римѣ во имя Іакова брата Господня. Церковь была построена. Такова сущность сказанія Стефана. Но вотъ и оправданіе ея историческое половинчатое, и археологическое полное!

Писатели, современные царю Θεодосію и вскорѣ послѣ него жившіе, именно, св. Амвросій Медиоланскій и Симмахъ, глухо

упомянули о *могихъ* братьяхъ царя Θεодосія, которые были старше его по словамъ перваго, а по свидѣтельству втораго дожили до воцаренія его; историкъ же Викторъ Младшій сказалъ только то, что у этого государя были братъ и сестра, и что онъ любилъ дѣтей ихъ, какъ своихъ собственныхъ; а Зосима и Клавдіанъ повѣдали, что родной и старшій братъ его Онорій жилъ въ Римѣ и имѣлъ двухъ дочерей, Серену и Θермантію, изъ которыхъ первая была супруга знаменитаго полководца Стиликона, а вторая была выдана также за военачальника, но имя его неизвѣстно ³²). Прислушиваюсь къ этимъ свидѣтельствамъ, и полагаю, что сынъ одного изъ этихъ братьевъ Θεодосія потерпѣлъ кораблекрушеніе у Аѳона, и что въ память спасенія его построена была тамъ церковь, которая существуетъ и теперь. Назывался-ли онъ Βαυτοῦ, по латыни Bauto, какъ назывался этимъ именемъ совмѣстный съ царевичемъ Аркадіемъ консулъ Римской имперіи ³³), и переименовало-ли его Аѳонское преданіе въ Βατο: рѣшать этого не берусь, зная, что ни одинъ изъ древнихъ лѣтописцовъ не назвалъ племянниковъ Θεодосія по именамъ. Но постройку церкви на Аѳонѣ братомъ сего царя отстаиваю, опираясь на Ватопедскіе рукотворенные памятники. Будьте внимательны ко мнѣ и слушайте рѣчи мои.

Ватопедское преданіе гласитъ, что братъ Θεодосія (думаю, Онорій) изъ Рима прислалъ для новостроющейся на Аѳонѣ церкви четыре гранитныя колонны багрянаго цвѣта, кои приготовлены были для постройки въ Римѣ храма во имя свят. Іакова брата Господня. Такія колонны дѣйствительно водружены въ Ватопедской соборной церкви и поддерживаютъ куполь ея. Онѣ толсты и высоки, а изсѣчены изъ тонкозернистаго и плотнаго гранита египетскаго, походяго на гранитъ финляндскій. Но такихъ колоннъ не смогъ бы ни купить, ни привезти не только городокъ Діонъ, (впослѣдствіи Ватопедіонъ) но и весь Аѳонъ, населенный малыми колоніями Еллиновъ, потому что торговля на этой безхлѣбной горѣ всегда была незначительна. Эти многоцѣбныя колонны могли быть приготовлены и доставлены туда только та-

кимъ христіаниномъ, каковъ былъ Онорій, или другой родной братъ царя Θεодосія благовѣрнаго. Опираюсь на нихъ и признаю сущность Ватопедскаго преданія, о которомъ идетъ рѣчь, отрицувъ однако все легендарныя прикрасы его. А того, кто возразилъ бы мнѣ, что гранитныя колонны въ Ватопедѣ имѣютъ наглавія Византійскія новыя, а не Римскія древнія, того прошу знать, что тамошняя церковь была попорчена Агарянами въ 862 году, и возобновлена уже въ концѣ десятаго вѣка тремя братьями, Аѳанасіемъ, Николаемъ и Антоніемъ, пришедшими на Аѳонъ изъ города Адрианополя.

Кромѣ гранитныхъ колоннъ въ Ватопедѣ есть другой, рукотворенный, *древнѣйшій* памятникъ, который напоминаетъ собою о первой встрѣчѣ христіанства на Аѳонѣ съ тамошнею мифологіею. Это колодезь подъ святою трапезою въ алтарѣ Ватопедской церкви. Онъ оставленъ тутъ не безъ важной причины. Какъ евангельское повѣствованіе о бесѣдѣ Іисуса Христа съ Самаряною у колодезя патріарха Іакова побудило мать Константина Великаго построить церковь надъ этимъ патріархальнымъ водоемомъ: такъ и надъ Ватопедскимъ колодеземъ водружена была святая трапеза по какому-либо *вѣровому* побужденію. Стефанъ святогорецъ сказалъ, что это сдѣлано было потому, что въ ономъ колодезѣ обрѣтена была явленная икона Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ и подлѣ нея большая свѣча, вылитая изъ воска. Но это сказаніе его неудобопріемлемо. Судите сами. По словамъ Стефана, Константинъ Великій на Аѳонѣ создалъ три великія церкви, первую въ память успенія Богородицы, Карейскую (?) вторую на сонмищѣ, гдѣ она проповѣдовала, Ватопедскую, (?) и третью на томъ мѣстѣ, откуда она отправилась съ Аѳона, Иверскую (?); но все эти зданія разрушилъ Іуліанъ Богоотступникъ; однако вторая церковь вскорѣ *возобновлена была* по случаю спасенія племянника царя Θεодосія ³⁴). Но, вѣдь, отъ смерти Іуліана въ 363 году до воцаренія Θεодосія въ 379 году прошло только 16 лѣтъ, а до послѣднихъ дней его 30 лѣтъ. Какъ же обитатели Аѳона, *видѣвшіе разрушеніе сей церкви и возобновлявшіе ее съ основаній*

при этомъ государѣ не знали, что тутъ былъ колодезь, и что въ немъ скрыта была церковная икона Богоматери со свѣчею? Предположимъ, что ризничій, или пономарь скрылъ ее тутъ поспѣшно, не сказавъ сего мѣстнымъ христіанамъ, и удалился безвозвратно; но какъ же они-то не узнали своей иконы, когда нашли ее въ колодезѣ? Явленіе ея, по словамъ, Стефана, было для нихъ чудно. Значитъ, она какъ бы внезапно явилась въ колодезѣ, когда расчищаемы были старыя основанія церкви, и явилась, какъ нечѣмъ невѣдомая. Но какъ же она оказалась тутъ? Ужели невидимо упала съ неба, да еще со свѣчею? Ужели написалась сама собою? Но кто же изготовилъ доску, и кто отлилъ свѣчу? Допустить эту свѣчу значитъ допустить и то, что икона Богоматери вмѣстѣ съ нею въ колодезь была ринута человѣкомъ. А если такъ, то мѣстные жители не могли принять ее за явленную: они должны были узнать ее, какъ свою старую икону, предъ которою ставили большую свѣчу. Однако не узнали. Какъ же объяснить такое затмѣніе въ нихъ? Приходится объяснять одно чудо другимъ чудомъ. Но подобныя объясненія не впечатлительны. Думать надобно, что Стефанъ святогорецъ не очень вѣрно передалъ намъ старинное преданіе о диковинахъ Ватопедскаго водоема, или это преданіе дошло до него уже превращенное изъ языческаго въ христіанское. Я утверждаю послѣднее, и объясняю оное преданіе съ помощію міеологій. Слушайте.

Аѳонская гора древле населена была жителями Пелопонеса. Они, переходя оттуда, принесли съ собою тамошнія мѣстоназванія и вѣрованія. А въ Пелопонесѣ на краю одного горнаго мыса жилъ-былъ нѣкій Ваттосъ *ωαττωσ*. Именемъ его и мысъ этотъ назывался Ваттускопіа, т. е. Ваттовъ обзоръ. Однажды мимо его жилища проходилъ божокъ Меркурій, гоня воловъ, украденныхъ имъ у Аполлона. Ваттосъ услышалъ голосъ его и обличилъ его въ кражѣ, но далъ ему слово ни кому не говорить о похищенной имъ добычѣ, ежели онъ утолитъ его деньгами. Меркурій расплатился съ нимъ, и потомъ превратилъ его въ пробный оселокъ ³⁵). Изъ окрестностей Ваттускопіа, по всей вѣроятности, пересели-

лись на Аѳонъ нѣкоторыя елліны, и новую мѣстность свою, въ память прежней, назвали Ватопедіонъ, а соседній горный мысъ Ваттускопіа: *каковыя названія слышатся тамъ и понынѣ*. Эта вѣроятность, оправдываемая сими названіями, подтверждается еще и тѣмъ, что понынѣ въ Ватопедѣ уцѣлѣло преданіе о мраморныхъ волахъ, положенныхъ въ основаніе угловой башни Ватопеда, чтоhalbvo отъ входа въ сей монастырь ³⁶), а волаы эти напоминаютъ воловъ Аполлона, узанныхъ Ваттомъ. Въ Пелопонесѣ вѣщій Ваттосъ, узнавшій этихъ воловъ, и мѣстность Ваттускопіа, переселеніе нѣкоторыхъ Пелопонесцовъ на Аѳонъ, и здѣшнія сомнѣнныя мѣстности, Ваттускопіа и Ватопедіонъ, и въ основѣ башни волаы,—все это такъ союдно, что нельзя лучше объяснить названія Аѳонскаго Ватопеда, какъ объясняю я... Это названіе такъ же древне, какъ древне заселеніе Аѳона Еллінами. Пелопонесскіе Ватопедцы, пришедши на эту гору, принесли съ собою и вѣру свою міеологическую. А такъ какъ въ Пелопонесѣ существовалъ прорицательный колодезь богини Димитры, предсказывавшій только выздоровленіе, или смерть больныхъ, а не что либо другое; то подобное прорицалище учредили они и на Аѳонѣ. Тамъ въ древнѣйшемъ городѣ Аробѣ (нынѣ новая Патра) находился храмъ Димитры, въ которомъ эта богиня и дочь ея Коріа (*κόρη*—дѣва) *изображены были стоя*, а предъ этимъ храмомъ глубился прорицательный родникъ воды; къ нему Елліны сходили по нѣсколькимъ ступенямъ и, спустивъ въ него зеркало на тонкой веревочкѣ такъ, что задокъ его едва касался воды, *налили свѣчу*, курили благовонія и молились Димитрѣ, посматривая на это зеркало, когда же на немъ показывался обликъ больнаго, мертвенный, или живой, гадали, что онъ умретъ, или выздоровѣетъ. Эта богиня давала *знаменія*, *εορβόλους*, *невидимымъ голосомъ*, *διὰ τῆς φήρης*. ³⁷). Тоже самое было и на Аѳонѣ. Наилучшимъ доказательствомъ тому служить рассказъ Стефана святогорца о Ватовомъ отрокѣ. Въ этомъ рассказѣ все, кромѣ зеркала, напоминаетъ колодезное прорицалище Димитры, все—и *рвеникъ* (колодезь) *глубокъ зло*, и *образъ Дивы*, и *свѣча*, и *невидимый голосъ*, *φήρη*.

и благознаменательное наставленіе, ἑρμῆος, Ватову отроку, чтобы онъ ѣхалъ въ Константинополь сухимъ путемъ. Драгоценный разсказъ, хотя и превращена въ немъ мѣологія Аѳонитовъ въ христіанскую легенду! Онъ напоминаетъ ихъ мѣологію и первую встрѣчу ея съ христіанствомъ. Итакъ, приключеніе съ племянникомъ царя Θεодосіа, постройка храма въ Ватопедіонѣ по случаю спасенія его, и включеніе колодезя въ тамошній алтарь объясняются вотъ какъ:

На Аѳонской мѣстности Ватопедіонѣ, подлѣ города Діона, или внутри его, съ давнихъ временъ находилось капище Димитры и ея дочери Дѣвы, и въ немъ—икона обѣихъ богинь этихъ, а предъ этимъ капищемъ глубился прорицательный колодезь, въ которомъ Еллины вопрошали оную богиню о судьбѣ больныхъ *). Это капище, при благовѣрномъ царѣ Θεодосіи, постигла таже участь, какой подверглись и всѣ прочія капища. Оно было разрушено, а прорицательный колодезь предъ нимъ, закрытый, сестался подъ грудю развалинъ. Случилась же у Аѳона страшная буря, когда въ Константинополь ѣхалъ на кораблѣ юный племянникъ Θεодосіа. Отъ этой бури онъ едва едва спасся въ пристани Ватопеда, призывая на помощь Богоматерь. Тутъ задержало его нездоровье. Тогда мѣстные идолопоклонники у развалинъ прорицалища Димитры, безъ его вѣдома, спросили эту богиню о судьбѣ его, и когда она понятнымъ для нихъ жреческимъ знакомъ, ἑρμῆος, φήμη, отвѣтила, что онъ будетъ здоровъ, присовѣтовали ему ѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ, воображая, что за ихъ приверженность къ царствующему дому будетъ дано имъ позволеніе возстановить правдивое прорицалище ихъ. Но обманчиво было это воображеніе ихъ. На мѣстѣ капища Димитры, въ память спасенія царскаго племянника, построена была церковь во имя Благовѣщенія архангела Дѣвѣ Маріи, подобно тому, какъ въ память спасенія дочери Θεодосіа Плакидіи отъ ужасовъ бури

*) Чаше вопрошали женщинъ; и потому, быть можетъ, Ватопедская пристань называлась, какъ и теперь, *женскою*. Διὰ τὴν τὴν Βατοπεδίου ἑρμῆος φωνητικῶν.—Γῶ. τὸν Κοριν. Προβλεψ. σελ. 61.

въ Адриатическомъ морѣ создана была церковь въ Равеннѣ во имя Іоанна Богослова. Значитъ, тогда въ Аѳонскомъ городѣ Діонѣ вмѣстѣ съ язычниками жили христіане. Благоразумные священники ихъ, желая искоренить всякое языческое суевѣріе и привычную привязанность къ прорицательному колодезю Димитры, включили его въ недоступный для народа алтарь, и водрузили надъ нимъ святую трапезу *), а вмѣсто иконы оной богини (найденной въ этомъ колодезѣ вмѣстѣ съ гадательною свѣчею еллиновъ) поставили въ своей великолѣпной церкви икону Богоматери, и предъ нею у выси алтаря, по обычаю того времени, установили высокій подсвѣчникъ съ пасхальною свѣчею, на которой тогда отливался счетъ христіанскихъ подвижныхъ праздниковъ³⁸). Этотъ обычай сохранился на Аѳонѣ до нашихъ дней. Тамъ въ каждомъ соборѣ предъ иконостасомъ высятся два громадные подсвѣчника съ высочайшими свѣчами разрисованными, но уже безъ означенія на нихъ праздниковъ.

Такъ лучше объясняется Аѳонское преданіе, о которомъ идетъ сужденіе. Излагаю это объясненіе въ краткихъ силлогизмахъ.

Преданіе, сообщенное намъ Стефаномъ святогорцомъ, гласитъ, что Ватопедская церковь построена была въ память спасенія отъ бурной опасности *сына брата* царя Θεодосіа. А исторія свидѣтельствуесть, что у сего государя были братья, и въ числѣ ихъ такой, котораго дѣтей онъ любилъ, какъ своихъ собственныхъ. Слѣдовательно, часть сего преданія *о братѣ и сынѣ Θεодосіа* вѣрна.

Сынъ сего брата царева не поименованъ въ исторіи. Но не поименованъ въ ней и близкій родственникъ его, мужъ Θερμανтіи, дочери Онорія, брата Θεодосіева. Посему никто не вправѣ заключать, что его не было.

По Аѳонскому преданію братъ Θεодосіа возобновилъ церковь въ Ватопедѣ въ память спасенія сына своего отъ потопленія въ

*) Когда христіанство восторжествовало надъ язычествомъ, тогда языческія капища обращаемы были въ церкви, а жертвенники въ св. трапезы. Такъ, напримѣръ: капище Адониса въ Виліемскомъ вертепѣ, гдѣ родился Іисусъ Христосъ, включено въ тамошнюю Базиліку. Voyez Dictionnaire des antiquités chret. Martigny. 1865. pag. 60.

морѣ, и прислалъ для нея четыре гранитныя колонны. А такія колонны понынѣ стоятъ тамъ нерушимо. Слѣдовательно, нерушимо и самое преданіе о нихъ и о спасеніи племянника Θεодосіева.

По этому преданію строители Ватопедской церкви, расчищая развалины храма, разрушеннаго Іуліаномъ Богоотступникомъ, открыли колодезь и въ немъ нашли икону Богоматери съ большою свѣчою, и обрадовавшись явленію ея, включили этотъ водоемъ въ алтарь новой церкви своей. Но ежели эта икона, кѣмъ нибудь ринутая въ колодезь, была извѣстна имъ прежде, нежели они ставили предъ нею пасхальную свѣчу, назадъ тому лѣтъ 16, 20; то не могли принять ее за явленную и чудную: а ежели она, чужая невѣдомая, явилась въ колодезѣ чудесно, да еще съ вылитой свѣчею; то не понятно, откуда она взялась, и какъ свѣча эта отлилась въ колодезѣ. Слѣдовательно, эта часть преданія сомнительна, невѣроятна; и должна быть другая причина, по которой колодезь включенъ въ алтарь оной церкви.

Ученому не трудно отыскать эту причину.

Аѳонскіе Ватопедцы были переселенцы изъ Пелопонеса, гдѣ существовало урочище Ваттускопіа, и находился храмъ Димитры съ прорицательнымъ колодеземъ. Перешедши оттуда на Аѳонъ, они назвали новую селитву свою Ватопедіонъ, а горный мысъ подлѣ нея Ваттускопіа, и учредили такое же колодезное прорицалище, какое было въ Пелопонесскомъ городѣ Арѳѣ: что доказывается самымъ сказаніемъ Стефана святогорца, въ которомъ вышукло отразилось языческое суевѣріе Ватопедцовъ, гадавшихъ о судьбѣ племянника Θεодосіева. Жившіе съ ними христіане, желая искоренить это суевѣріе, включили прорицательный колодезь въ алтарь церкви, которую построилъ для нихъ братъ царя Θεодосія.

Кончены мои силлогизмы. Остается, во первыхъ, точно опредѣлить годъ возобновленія Ватопедской церкви, во вторыхъ, рѣшить вопросъ, для кого она построена была, для мірянъ, или для монаховъ, и въ третьихъ, указать тотъ путь, по которому

преданіе Стефана, отличное отъ преданія грековъ, дошло до этого славянина.

По свидѣтельству пасхальной хроники, Θεодосій въ первый годъ своего воцаренія (379), разрушилъ капища еллиновъ до основаній, и христіанство усилилъ болѣе, чѣмъ Константинъ Великій; ибо этотъ только заперъ языческіе храмы, а тотъ разрушилъ ихъ³⁹⁾. Къ сему году я отношу разрушеніе и Ватопедскаго капища Димитры съ его прорицательнымъ колодеземъ. Въ слѣдующемъ 380 году Θεодосій, выздоровѣвъ отъ тяжкой болѣзни въ Солунѣ, сподобился тутъ крещенія, и 24 ноября торжественно прибылъ въ Константинополь, а въ 383 году 16 января, по счету другихъ лѣтописцовъ 19-го, провозгласилъ шестилѣтняго сына своего Аркадія Августомъ⁴⁰⁾. Ко дню сего торжества, я полагаю, — слѣшилъ изъ Рима сынъ Онорія, брата Θεодосіева, въ концѣ декабря 382-го, или въ началѣ января 383 года, и застигнутъ былъ страшною бурей въ виду Аѳона; однако въ тамошней Ватопедской пристани спасся отъ угрожавшей ему опасности, и уже сухимъ путемъ прибылъ въ Константинополь. Въ этомъ же 383 году началась и постройка Ватопедской церкви въ память спасенія его отъ потопленія. Отнести начало сей работы къ осенней порѣ 384 года не позволяетъ слѣдующее обстоятельство: въ девятый день сентября мѣсяца сего года у Θεодосія родился второй сынъ, и этотъ государь назвалъ его Оноріемъ по имени своего любимаго брата, котораго тогда уже не было въ живыхъ⁴¹⁾.

Около Ватопедской церкви, по разсказу Стефана святогорца, построено было много дивныхъ и различныхъ покоевъ внутри высокой ограды. Всѣ эти зданія онъ назвалъ монастыремъ. Послѣ него Рико, Комнинъ, Гейнектій и Барекій повѣдали также, что Ватопедъ возникъ при царѣ Θεодосіи, какъ монастырь. Я соглашаюсь съ ними, и — не безъ основаній, кои суть историческая аналогія и одно минейное сказаніе. Исторія монастырей извѣстна. При Константинѣ Великомъ ихъ не было нигдѣ, кромѣ Египта. А по смерти его, 337 г., они быстро начали возникать во всей греко-римской имперіи. Въ 352 году св. Евсевій епископъ Вер-

чельскій, первый на Западѣ, установилъ, чтобы священники и прочіе клирики жили, какъ монахи, постясь, молясь и занимаясь чтеніемъ книгъ и рукодѣліями, но не давая монашескихъ обѣтовъ. Изъ среды такого клира, по свидѣтельству св. Амвросія Медіоланскаго, выходили епископы и мученики. Въ 358 году св. Василій Великій учредилъ монастыри въ области Понтійской. Въ 360 св. Мартинъ оновалъ первый монастырь въ Галліи (monasterium Locociagense), а въ 372 построилъ знаменитую обитель Мармутъерскую—плодоносный разсадникъ епископовъ. Въ 366 г. появились монахи сперва въ Неаполѣ, потомъ въ Римѣ, и жили по правилу св. Василія Великаго. Въ 377 процвѣтали дѣвичьи монастыри въ Медіоланѣ подъ руководствомъ тамошняго епископа св. Амвросія. Въ 388 году блаженный Августинъ своимъ примѣромъ содѣйствовалъ установленію монашескаго житія въ Африкѣ, а въ 391-мъ, когда онъ былъ уже епископомъ, оновалъ два монастыря въ городѣ Иппонѣ, мужескій и дѣвичій, въ 396-мъ ввелъ въ среду своего клира монашескую нестяжательность и общежитіе *). Съ 395 года по 452-й благочестивая дочь Θεодосія Великаго дѣвственница Пульхерія строила многія церкви и монастыри **). Итакъ, неудивительно, что въ Аѳонскомъ Ватопедіонѣ въ 383 году возникъ монастырь. Его видѣли, въ началѣ пятого вѣка, преподобные Варнава и Софроній, когда посѣщали разныя мѣста ***). Но этотъ монастырь съ дивными и различными покаями, былъ городскій *клирикальный*, а не иноческій. Въ немъ жили священники, діаконы, чтецы, пѣвцы Аѳонскаго города Діона, всѣ неженатые, по обычаю тогдашняго времени, но не монахи. Тогда на Аѳонѣ были порядки западные, потому что онъ состоялъ подъ священноначаліемъ Солунскаго епископа и Римскаго папы.

Преданіе Стефана о постройкѣ Ватопедской обители, вы-

*) Dictionnaire des Antiq. chret. par Martigny. Paris 1865. Ordres religieux.—Tablettes chronolog. par Dufresnoy. T. II. p. 232.

***) Theophan. chronogr. T. I. p. 126.

***) Аѳонскій Патерикъ. С. II. Б. 1860 г. стр. VIII. IX. Νέον Αιτιονάριον.

держивающее напоръ критики, заимствовано этимъ святогорцомъ отъ современныхъ ему Сербскихъ монаховъ, жившихъ въ оной обители, а эти, какъ я полагаю, слышали его отъ Ватопедскаго же подвижника Саввы, сына великаго Жупана Сербіи Стефана Нѣманя, (12 вѣк.) который не по прямой линіи происходилъ отъ рода римскихъ кесарей, и до принятія православія былъ римскимъ католикомъ, и потому лучше грековъ зналъ нѣкоторыя семейныя обстоятельства въ царственномъ домѣ Θεодосія и брата его Онорія, происходившихъ отъ императора Траяна.

§ 9.

Кромѣ повѣстей о постройкѣ и возобновленіи церкви въ Ватопедѣ разсказывается еще одно преданіе о посѣщеніи этого монастыря дочерію Θεодосія, Плакидіею.

Сообщаю и это преданіе и критикую его съ неумолимою строгостию.

Оно содержится въ греческой книжицѣ врача Іоанна Комнина, описавшаго монастыри Аѳонскіе, и изъ нея заимствовано и дословно переведено по русски нашимъ паломникомъ Барскимъ въ 1744 году. Читайте подлинникъ въ моихъ оправданіяхъ подъ № 42-мъ. А здѣсь предлагается вѣрный переводъ Барскаго.

„Лѣта 5890 (382) царица Плакидія, жена Константина, тогда царствовавшаго въ Римѣ, дочь же царя греческаго Θεодосія, пріятъ совѣтъ и изволеніе отъ мужа своего, да пойдетъ на поклоненіе въ монастырь сей (Ватопедь), да видитъ же брата своего Аркадія, бывшаго тогда въ Константинополѣ. Пловущи убо отъ Рима по морю, и доспѣвши къ пристанищу Ватопедскому, еже нарицается нынѣ *женское*, изыде изъ корабля вонъ на брегъ. Отцы же монастырскіе изыдоша въ стрѣтеніе ея, и приведши ю предъ церковь, сами внидоша внутрь храма средними великими вратами мѣдяными; царица же или Богомъ наставленна сущи, или ради смиренія и благоговѣнія, не хотяше внити тѣми-

жде, но сѣверными меньшими (что близъ колодезя *). И сіе ей покушающейся сотворити, абіе невидимо слыша гласъ глаголющій къ ней: *стой, не иди далѣе, да не постраждеши злѣ*. Она же, егда услыша сицевый гласъ, паде отъ страха долу, начатъ плакаться и молиться Богу, да проститъ ей сей грѣхъ дерзновенія; и сего ради воздвиге тамо храмъ иный, *ἑτερον*, въ честь святаго великомученика Димитрія, на мѣстѣ же, отъ него же слышала гласъ, повелѣ изобразити икону Богоматери, и опредѣли, да зажигается предъ нею непрестанно горящее кандило, еже хранится и до днесь; нарицается же икона она *Живопріятная*. Царица же, отплывши въ Константинополь, повѣда брату своему Аркадію собывшееся чудо. Онъ же абіе посла въ монастырь помощь отцемъ и дары различныя, даде и стадо животныхъ и иные многіе доходы обителей, даде и дворъ въ Пернеоріи изряденъ, купно и четвертую часть приморскаго озера, и лавокъ купеческихъ пять внутри кастеля (крѣпости), и повелѣ, да подается ему жалованье отъ царскаго сокровища на всякъ годъ злата литръ дванадцать, а сребра литръ семнадцать, еже и до днесь обрѣтается въ старомъ кодексѣ монастырскомъ записано.“

Это преданіе не помѣщено въ томъ рукописномъ Сказаніи Стефана святогорца объ Аѳонѣ, которое хранится у меня въ сборникѣ Сербской палеографіи. Неизвѣстно было оно и иностраннымъ писателямъ, РикѸ и Гейнекцію, собиравшимъ свѣдѣнія объ этой горѣ. А русскіе поклонники и насельники Аѳона не преминули помѣстить его въ своихъ книгахъ съ добавленіями и измѣненіями: чего и простить имъ нельзя. Такъ, извѣстный святогорецъ Сергій въ своихъ письмахъ къ друзьямъ объ Аѳонѣ прибавилъ слѣдующую небылицу: „святогорскіе отцы законоположили съ тѣхъ поръ не впускать на святую гору женщинъ,—что и по нынѣ соблюдается **). Эту небылицу повторилъ и Андрей Муравьевъ ***). А составитель книжицы подъ заглавіемъ: *Вышній*

*) Этихъ словъ нѣтъ у Барскаго, а у Комнина читаются.

***) Письма святогорца ч. II. стр. 206. Издан. 3. С. П. Б. 1857.

***) Письма съ Востока ч. I. стр. 199, 200 С. П. Б. 1851.

покровъ надъ Аѳономъ, вотъ какъ измѣнили рѣчь, слышанную Плакидіею: „Зачѣмъ ты сюда? здѣсь иноки, а ты жена; для чего же даешь врагу случай ратовать ихъ преступными помыслами? Остановись! ни шагу далѣе, если хочешь себѣ добра“ *). Такое грубое и не цѣломудренное велерѣчіе могло придти въ голову только вятскому семинаристу подъ аѳонскимъ кукулемъ. Подобныхъ небылицъ не говорили святогорскіе греки.

Однако и греческое преданіе о Плакидіи и о бывшемъ съ нею чудѣ рассказано весьма неудачно. Нѣтъ никакой возможности оправдать рассказъ этотъ во всей полнотѣ его. Всѣ прикрасы его, при яркомъ свѣтѣ исторической критики и здраваго смысла, исчезаютъ, какъ бѣлила и румяна на лицѣ расплываются отъ жара. Прижариваю этотъ рассказъ: а вы смотрите, какъ онъ будетъ потѣтъ, и какъ слезетъ съ него вся поддѣльная облицовка.

Рассказывается, что въ 5890 году отъ Адама, 382 отъ Христа, или 390-мъ, ежели считать до Р. Хр. только 5500 лѣтъ, царица Плакидія, жена Константина, тогда царствовавшего въ Римѣ, ходила на поклоненіе въ Ватопедскій монастырь. Но въ 382 году ее еще не было на свѣтѣ, ибо она родилась въ 389 году; а второй мужъ ея Константій, но не Константинъ, никогда не царствовалъ въ Римѣ, а жилъ и скончался въ Равеннѣ при дворѣ римскаго императора Онорія, брата Плакидіи. Все это, какою сейчасъ узнаемъ, исторически вѣрно. А если такъ, то оный рассказъ, *какъ онъ переданъ намъ*, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія.

Рассказывается, что Плакидія, торжественно встрѣченная Ватопедскими монахами, не захотѣла войти въ церковь ихъ чрезъ большую среднюю дверь *по наставленію отъ Бога*, или по смиренію и благоговѣнію, а пожелала пройти туда чрезъ малую дверь *сѣверную* и, проходя тутъ, внезапно услышала голосъ кого-то невидимаго,—*стой, не иди далѣе, да не постраждеши злѣ*,—упала отъ страха на землю, и со слезами просила Бога простить ей

*) Вышній Покровъ. стр. 62. С. П. Б. 1860.

сей грѣхъ дерзновеніа. Но этотъ разсказъ такъ нелѣпъ, что и слышать его не хотѣлось бы. Судите сами. Богъ внушаетъ Плакидіи войти въ церковь не тамъ, гдѣ вошли въ нее монахи; а какой-то голосъ вопіеть ей: стой! не то, будетъ тебѣ худо. Чей же это голосъ? Какой невидимка осмѣлился кричать такъ, не смотря на Бога, наставника Плакидіи? Извините: это—голосъ неумнаго разсказчика. По другимъ словамъ его, Плакидія не захотѣла идти въ церковь чрезъ среднюю дверь по смиренію и благоговѣнію; но, о чудесе, эти святыя чувствованія ея какимъ-то невидимкою опозорены такъ, что сама Плакидія признала ихъ грѣховною дерзостію и стала оплакивать. Возможно-ли же такое превращеніе? Или лучше, есть-ли тутъ хоть капля здраваго смысла? Что за грѣхъ войти въ храмъ Божій тамъ и не тамъ, гдѣ входятъ монахи? Разсказчикъ не зналъ, что въ то время, когда жила Плакидія, всѣ женщины входили въ церковь чрезъ *сѣверныя* двери, и становились на лѣвой сторонѣ ея ⁴³⁾; не зналъ этого, и по невѣдѣнію своему осудилъ Плакидію за то, за что вовсе не слѣдовало осуждать ее. Она, по обычаю своего времени, *правильно* вошла въ Ватопедскую церковь тамъ, гдѣ вошла въ нее, и потому ни сама не могла признать такой входъ свой грѣховною дерзостію, ни тогдашніе монахи не могли осудить ее за это. А ежели разсказчикъ посмотрѣлъ тутъ на нее, смиренную и благоговѣйную, окомъ мутнымъ и угрюмымъ; то обнаружилъ только свое невѣжество, которое перенесло позднѣйшее запрещеніе женщинамъ быть на Аѳонѣ въ вѣкъ четвертый, когда тамъ были города, села и деревни и въ нихъ—христіанскія женщины и дѣвицы, входившія въ храмы Божіи чрезъ двери сѣверныя.

Разсказывается, что Плакидія, оплакавъ свое грѣховное дерзновеніе, повелѣла изобразить икону Богоматери на томъ мѣстѣ, гдѣ слышала невѣдомый голосъ, и теплитъ предъ нею неугасимую лампаду, и что эта икона называется *Живопріятною* ζωοδόχος. Но такое названіе ея нисколько не напоминаетъ о разсказанномъ чудѣ. Еслибы это чудо совершилось, то написанная въ память его икона была бы названа *отъпущающею* ἀντιφωστήρια, или *милую-*

щею ἐλεόδοξα, или какъ-нибудь иначе, только не Живопріятною. Сіе послѣднее названіе Богоматерней иконы придумано было гораздо позже, 457—474 года, когда въ Константинополѣ открылся извѣстный Живоносный Источникъ ζωοδόχος πηγή *). Тогда греки начали изображать Богоматерь Живопріятную, или Живоносную. Итакъ, въ обсуживаемомъ мною Ватопедскомъ разсказѣ замѣтенъ анахронизмъ. Кромѣ сего, всѣ указанные въ немъ предметы, какъ то, сѣверная дверь церкви близъ (прорицательнаго) колодезя, включеннаго въ алтарь ея, *дерзновенное* шествіе тутъ *смиренной*, или *Богомъ ведомой* Плакидіи, невѣдомый голосъ, Живопріятная икона, не очень давно изображенная *на итукатуркѣ наружной стѣны Димитріевскаго Придѣла*, все это такъ перепутано и такъ темно, что ничего понять нельзя. Покидаю эту путаницу, позволивъ себѣ сказать только то, что позднѣйшій Ватопедскій разсказчикъ, какъ сдается, не пользовался никакимъ стариннымъ дѣписаніемъ, а передалъ повѣрье и говоръ монаховъ, не знавшихъ ни хронологіи, ни исторіи, ни иконной археологіи, ни судьбы царицы Плакидіи, однако слыхавшихъ о богомольѣ ея на Аѳонѣ.

Разсказывается, что, когда Плакидія повѣдала брату своему Аркадію совершившееся для нея чудо, тогда онъ щедро одарилъ Ватопедскій монастырь, приложивъ ему между прочимъ богатый мѣтокъ Перивеоріи съ четвертою частію рыболовнаго озера и съ пятью торговыми лавками, и повелѣвъ производить денежное жалованье изъ царскаго сокровища. Въ концѣ разсказа упомянуто и то, что такія щедроты записаны въ старомъ кодексѣ монастырскомъ. Но, къ сожалѣнію, не сказано: какъ древень этотъ кодексъ, т. е. когда онъ написанъ, въ пятомъ ли вѣкѣ при Аркадіи, или въ концѣ десятаго вѣка, когда Ватопедъ возникъ изъ развалинъ, или гораздо позже. А такое молчаніе, намѣренное, или ненамѣренное, отнимаетъ у разсказа достоинство точности, и побуждаетъ критика дѣлать соображенія и повѣрять разсказъ подлинными дѣписаніями Ватопедскаго монастыря. Начинаю эту работу. Если бы

*) Συνοπτικὴ περιγραφή τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει καθ' αἴρας ζωοδόχου πηγῆς. Ἐν Κωνσταντινουπόλει: 1841.

оний кодексъ былъ современенъ Аркадію и Плакидію, то Ватопедскіе вѣстовщики не преминули бы похвалиться такою глубокою древностію и выставить ее на показъ. Но они не показали ее ни мнѣ, ни Барскому, ни Іоанну Комнину, отъ котораго отдѣлялись неопредѣленнымъ выраженіемъ: „все-де это записано въ старинномъ кодексѣ“. Значитъ, такого *наидревнѣйшаго* кодекса у нихъ не было, и нѣтъ. Да и какъ бы могъ уцѣлѣть онъ, когда весь Ватопедъ разоренъ былъ Агарянами? Если бы Ватопедцы спасли его отъ этихъ варваровъ, и спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ принесли его къ возобновителямъ сего монастыря, тремъ Адрианопольскимъ братьямъ; то объ этомъ было бы упомянуто въ сказаніи о сихъ ктиторахъ: но тутъ нѣтъ ни слова о семъ предметѣ, хотя и говорится объ укрытіи отъ Агарянъ Богородичной иконы въ колодезь и объ открытіи ея, спустя 70 лѣтъ. А предполагать, что Ватопедцы, по возобновленіи монастыря ихъ, отыскали свои права на владѣніе Периеорійскимъ метохомъ въ архивѣ Солунскомъ, и тогда же вписали его въ свой кодексъ, предполагать это не позволяетъ слѣдующая юридическая правда. Изъ подлинныхъ грамотъ царя Андроника Старшаго, 1292 года, индикта 5, и 1301 г. индикта 14, видно, что *въ эти годы* Ватопеду принадлежали метохи, деревни и разныя угодья въ городахъ Серрасѣ и Тессалоникѣ, на Кассандрійскомъ полуостровѣ, въ окрестностяхъ Аѳона и на самой горѣ этой, *но не въ Периеоріи*, о которой нѣтъ тутъ и помину. А грамота Андроника Младшаго 1329 года, индикта 12, доказываетъ, что всѣ эти имѣнія принадлежали оной обители по силѣ хрисовула дѣда сего царя, Михаила Палеолога, и что уже въ царствованіе Андроника Старшаго послѣ 1301 года приобрѣтены были Ватопедомъ, 1) метохъ св. Димитрія въ городѣ Серрасѣ, подаренный ему теткою царя Андроника Младшаго, Теодорою, и сыномъ ея, Іоанномъ изъ рода Кантакузиновъ, 2) внутри Серраской крѣпости дома и виноградники, купленные Ватопедцами у Куртика и Кентарха, 3) въ Воденѣ гостинница и водяная мельница съ угодьями, купленная ими у дяди сего же Андроника и у великаго стратопедарха Ангѣла, 4) въ

Ермилии метохъ св. Димитрія, тоже купленный ими не очень давно, и 5) въ Периеоріи метохъ св. Георгія съ землею. Итакъ, вотъ когда достался Ватопеду метохъ Периеорійскій, — въ царствованіе Андроника Старшаго, а не при императорѣ Аркадіи!!! Этотъ же самый метохъ упомянуть и въ грамотѣ Іоанна Палеолога 1357 года *). Послѣ этого не надобно вѣрить ни тому, что Θεодосій Великій далъ Ватопеду разныя угодья въ Македоніи по поводу наложенной на него епитиміи за избіеніе жителей Солуня, ни тому, что сынъ его Аркадій одарилъ эту обитель весьма щедро по случаю чуда съ сестрою его Плакидіею. Ватопедъ, какъ видно изъ подлинныхъ актовъ его, приобрѣлъ имѣнія въ Македоніи и въ Периеорійской крѣпости (у устья рѣки Стримона, недалеко отъ Аѳона) приобрѣлъ то покупкою, то по дарственнымъ записямъ, уже во дни царей Михаила Палеолога, сына его Андроника I и внука Андроника II, съ 1261 по 1341 годъ. Тогда же описи этихъ имѣній внесены были и въ монастырскій кодексъ. А такъ какъ въ 13 и 14 вѣкахъ подобные акты писались стенографически, то позднѣйшіе Ватопедцы, современные врачу Іоанну Комнину (1700 г.), плохо читавшіе стенографію, прочли въ кодексѣ вмѣсто 'Αυδρόνικος, 'Αρχάδιος, *αβ*, сами обманулись и другихъ ввели въ заблужденіе.

Послѣ такого критическаго разбора нѣтъ никакой возможности возвестъ Аѳонское преданіе о Плакидіи на степень *исторической правды*. Но нельзя-ли признать оное *историческою вѣроятностію*, отринувъ всѣ легендарныя прикрасы его, и удержавъ одну сущность? Нельзя-ли внести въ исторію Аѳона только то, что Плакидія на пути изъ Рима въ Константинополь посѣтила Аѳонскій Ватопедъ?

Обратимся къ древнѣйшимъ писателямъ, говорившимъ о сей царицѣ, и, сколько можно, воспользуемся ихъ сказаніями о ней.

Плакидія, дочь царя Θεодосія и Галлы, родной сестры императора Валентиніана II, родилась въ Константинополѣ въ 389 го-

*) Смотри Оправданія моеи исторіи Ватопеда.

ду. Скоро она лишилась своей матери, скончавшейся отъ родовъ въ 394 году. Тогда отецъ ея, послѣ пораженія тирана Евгенія, находился въ городѣ Миланѣ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ вызвалъ туда десятилѣтняго сына своего Онорія, младшую сестру его Плакидію и тетку ихъ Серену, супругу военачальника Стиликона, и въ церкви поручилъ ихъ св. Амвросію Медіоланскому, какъ духовному отцу, а Стиликона назначилъ главнымъ военачальникомъ и распорядителемъ всѣхъ дѣлъ въ западной имперіи на все время малолѣтства Онорія, который провозглашенъ былъ Римскимъ императоромъ. Въ 17-й день января мѣсяца 395 года не стало въ живыхъ великаго Θεодосія. Св. Амвросій Медіоланскій произнесъ надгробное слово въ 40-й день по смерти его, и ублажилъ память сего великаго государя католическаго. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего же года бранные останки его, перевезенные въ Константинополь, положены были въ царскойъ усыпальницѣ подлѣ церкви святыхъ апостоловъ⁴⁴). Плакидія осталась при братѣ своемъ Оноріи и выросла красавицею. (Jornand. R. Get. 31). Когда Визиготскій царь Аларикъ ночью подлѣ 24-день августа 410 года взялъ и разграбилъ Римъ; тогда она была въ этомъ городѣ и досталась ему въ плѣнъ^{*}). Такая добыча обрадовала его несравненно болѣе, чѣмъ золото и серебро и прочія драгоценности, найденныя въ столицѣ міра, потому что онъ надѣялся посредствомъ Плакидіи возобновить свои прерванные договоры съ императоромъ Оноріемъ, который въ это время жилъ въ Равеннѣ, и получить отъ него санъ патриція и начальника римскихъ войскъ по примѣру Стиликона, родомъ вандала. Послѣ трехдневнаго грабежа въ Римѣ Аларикъ съ войскомъ своимъ ушелъ отсюда сперва въ Кампанію, потомъ въ Бруттіумъ. Съ нимъ была Плакидія, эта политическая надежда его. Въ лагерь ей отдавались царскія почести^{**}). Въ Бруттіумѣ

^{*}) In qua urbe (Roma) incredibilem argenti vim praeda avertit, quin et sororem Honorii Placidiam, Romae tum agentem, captivam habuit.—Olymp. fr. 3 Ed. Didot. Paris, 1851.

^{**}) Placidia quoque soror imperatoris cum Alarico erat, vicem illa quidem obsidis modo quodam implens, tamen ita ut omni honore cultuque regio frueretur.—Zosim. VI, 12.

подлѣ города Консенціи Аларикъ скончался^{*)}). Визиготы похоронили его въ руслѣ рѣки Барентины, отведши ее въ сторону, и потомъ направивъ на прежній путь, (Jornand. R. Get. 10.) и избрали себѣ вождемъ брата его Атаульфа (Адольфа). Этотъ даровитый и храбрый Готъ, молодой вдовецъ и родитель многихъ дѣтей, порученныхъ имъ епископу Сигезару (Olymp. 26), видя всю слабость Римскаго императора Онорія, его сената и его всемірной столицы, которую такъ легко было взять и разграбить, рѣшился изгладить самое имя, Римъ, и говорилъ, что, вмѣсто Романіи, отнынѣ будетъ Готѳія^{**}). Но онъ не зналъ, что въ мірѣ есть нѣчто посильнѣе силы военной: это—политическій умъ, обаятельная цивилизація и красота тѣла и души въ умной женщинѣ, не зналъ этого, и самъ весь преобразовался подлѣ вліяніемъ этихъ могучихъ силъ, явившихся изъ развалинъ Рима. Имъ овладѣла плѣнница его Плакидія, и изъ готѳа сдѣлала его римляниномъ. Эта красивая и умная испанка съ характеромъ обворожительнымъ и мужественнымъ, совмѣщавшая въ себѣ женственную обаятельность своей матери, пламенную набожность своего отца, непреклонную твердость своего дѣда, справедливая не безъ жестокости^{***}), которую она выказала надъ своею теткою Сереною, задушенной Сенатомъ за тайныя политическія сношенія съ Аларикомъ,—эта испанка, наследовавшая отъ своего отца высокія понятія о католичествѣ единой вѣры и единой церкви, *о духовномъ владычествѣ Рима и Константинополя надъ всеми народами посредствомъ оной вѣры и церкви, и о единодушій всего императорскаго семейства*, эта пресловутая героиня древняго времени, ставъ плѣнницею готѳовъ, переносила злополучіе свое съ полнымъ самоотверженіемъ и съ

^{*)} Iuxta Consentinam civitatem.—Jornand. R. Get. 30.

^{**}) De eo (Athaulfo) saepe sub testificatione didicisse, quod ille, quum esset animo, viribus ingenioque nimius, referre solitus esset, se inprimis ardentem inhiasse, ut oblitterato Romano nomine, Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret; essetque Gothia quod Romania fuisset.—Oros. VII, 42.

^{***}) Censuit senatus et universus Senatus, et Placidia, principis uterina soror, Serenam esse necandam, quae praesentium malorum auctor extiteret.—Zosim. V. 38.

царственнымъ величіемъ, какъ христіанка и какъ дочь и внука царей великихъ. Грубые, но добросовѣстные и богобоязненные готѣ уважали ее и удивлялись ей. Атаульфъ спрашивалъ ее о многомъ, выслушивалъ совѣты ея и исполнялъ ихъ, такъ что она была скорѣе повелительница, нежели плѣнница въ походномъ станѣ его. Въ теченіи трехлѣтняго похода (411—413) и неудачнаго переговора его съ Оноріемъ о поселеніи Готѣвъ въ Римскихъ владѣніяхъ, она такъ обаяла и такъ преобразовала Атаульфа, что онъ уже воздерживался отъ войны и думалъ о мирѣ. *Abstinerere a bello... inhiare rasi videbatur. Oros. VII, 43.* Въ немъ никто не узнавалъ того героя, который изъ Романіи хотѣлъ сдѣлать Готѣю. Этотъ повелитель Готѣвъ, мечтавшій быть тѣмъ, чѣмъ былъ Цезарь Августъ, *feretque nunc, quod quondam Caesar Augustus, Oros. VII, 43.*, сталъ походить на пріятеля Клеопатры, Антонія, и уже хвалился тѣмъ, что понималъ превосходство Римскаго народа и его законовъ, искусствъ, наукъ, общежитія и добровольнаго повиновенія верховной власти, и не безъ сожалѣнія говорилъ, что его Готѣ дико, что ихъ господство вредно для человѣчества, что имъ лучше служить Риму и быть его опорой *), и что самъ онъ не въ силахъ создать міръ новый, и желаетъ слыть въ потомствѣ возобновителемъ міра древняго **). Таковы были рѣчи его къ приближеннымъ къ нему Готѣамъ и Римлянамъ. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ними онъ даже сознавался, что всю эту перемѣну произвела въ немъ Плакидія, научившая его смотрѣть на Римъ другими глазами и поддерживать то, что онъ хотѣлъ разрушить ***). Итакъ, эта дочь

*) At ubi multa experientia probavisset, neque Gothos ullo modo parere legibus posse, propter effrenatam barbariem, neque Reipublicae interdici leges oportere, sine quibus Respublica non est Respublica, elegisse se salutem, ut gloriam sibi, et restituendo in integrum augendoque Romano nomine Gothorum viribus quaereret. Oros. VII, 43.

**) Ut haberetur apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator.—Oros VII, 43.

***) Praecipue Placidiae, feminae sane ingenio acerrimae et religionis satis probatae, ad omnia bonarum ordinationum opera persuasus et consilio temperatus.—Oros. VII, 43.

великаго Θεодосія, заставивъ Атаульфа полюбить Римъ, предотвратила часть бѣдствій, накликаемыхъ на него слабымъ братомъ ея, Оноріемъ. Атаульфъ полюбилъ ея красоту и цѣломудріе *). Находившійся при немъ римлянинъ Кандидіанъ присовѣтовалъ ему жениться на ней **). Свадьба была отпразднована 1 января 414 года въ домѣ нѣкоего Ингенуя, перваго гражданина Нарбонскаго ***). Поэты и пѣвцы, Атталъ, Рустичій и Фебадій, пѣли стихи въ честь новобрачныхъ ****). Подлѣ Плакидіи, одѣтой въ царскія одежды, сидѣлъ Атаульфъ, наряженный по римски *****). Онъ не великъ ростомъ; но хорошо сложенъ и красивъ лицомъ *****). Въ числѣ его брачныхъ подарковъ возлюбленной невѣстѣ красовались пятьдесятъ благообразныхъ мальчиковъ, изъ которыхъ каждый, въ шелковой одеждѣ, держалъ въ обѣихъ рукахъ своихъ два блюда, и на одномъ золото, а на другомъ драгоценные камни, награбленные въ Римѣ *****). Христіане, удивленные такимъ неожиданнымъ событіемъ, перелистывали пророчества, и приложили къ новобрачнымъ предсказаніе Даніила: *настанетъ день, когда царь северный пойметъ себя въ жену дочь царя юж-*

*) Quam tamen (Placidiam) ob generis nobilitatem, formaeque pulchritudinem, et integritatem castitatis attendens.—Jornan: R. Get. 31.

**) Athaulfo, studio ac consilio Candidiani, nuptiae cum Placidia celebrantur.—Olymp. 24.

***) Januario mense, in Narbone Galliae urbe, in domo Ingenui cuiusdam, primarii huius urbis viri.—Olymp. 24.

****) Hinc versus canuntur epithalamii, Attallo praecinente, dein Rusticio atque Phaebadio.—Ibidem.

*****) Hic digniore loco residente Placidia in thalamo Romano more adornato, habituque regio, assedit ipsi et Athaulfus loena indutus caeteroque amictu Romano.—Ibidem.

*****) Non adeo proceritate staturae formatus, quantum pulchritudine corporis, vultuque decorus.—Jornan. R. Get. 31.

*****) Inter alia nuptiarum dona Athaulfus offert etiam quinquaginta formosos pueros, serica veste indutos, ferentes singuli utraque manu ingentes discos binos: quorum alter auri plenus, alter lapillis pretiosis vel pretii potius inaestimabilis, quae ex Romanae urbis direptione Gothi depraedati fuerant. Olymp. 24.

наго: но отъ нихъ не будетъ потомства, *) что и исполнилось буквально, какъ сейчасъ узнаемъ. Атаульфъ и Плакидія домогались, чтобы императоръ Онорій призналъ ихъ бракъ, но получили отказъ. Рожденіе сына, котораго они назвали Θεодосіемъ, пробудило въ нихъ надежду на сближеніе съ Оноріемъ **). Но и эта надежда ихъ не сбылась. Любимецъ сего государя Константій (будущій второй мужъ Плакидіи), начальникъ войскъ расположенныхъ въ Галліи, поджигалъ подозрительность и гнѣвъ его и изгналъ Плакидію и Атаульфу изъ Нарбоны. Оба они отправились въ Испанію—родню великаго Θεодосія. Но и тутъ не посчастливилось Плакидіи. Въ тамошнемъ городѣ Барселонѣ она лишилась своего сына, и съ нимъ потеряла двойной залогъ любви и чаемаго примиренія съ братомъ. Безутѣшные супруги положили младенца своего въ серебряный гробокъ, и поставили его въ загородной церкви ***). Пророчество сбылось! Ибо вскорѣ умеръ Атаульфъ отъ рукъ злодѣя ****). Умирая онъ указалъ Готтамъ на брата своего; какъ на преемника власти, и совѣтовалъ имъ отправить Плакидію къ Онорію и заключить съ нимъ прочный миръ. Но не исполнилось ни то ни другое. Готты, нелюбившіе его за расположенность ко всему римскому, избрали и провозгласили вождемъ своимъ Сингериха. А этотъ тотчасъ истребилъ всѣхъ дѣтей Атаульфу, рожденныхъ отъ перваго брака и воспитывавшихся у епископа Сигезара ****), (пророчество сбылось!) а

*) In quo profetia Danielis putatur impleta, qui ait filiam regis austri sociandam regi aquilonis; nullo tamen eius ex ea semine subsistente.—Idatii Chron. anno 414.

***) Aduulfus, nato sibi e Placidia filio, cui Theodosii nomen dedit, in Romanorum amicitiam propensior esse coepit.—Olymp. 25.

****) Exstinctum autem postea infantem vehementer uterque parens luxit, argenteaque capsula conditum juxta Barcinonem in templo quodam sepelierunt.—Olym. 26.

*****) Gladio perforatus Vernulfi, de cuius solitus erat ridere statura.—Jorn. R. Get. 31.—Olymp. 26.

*****) Qui successit, Sari frater, Singerichus, studio potius ac vi quam successione aut lege, Aduulfi e priore conjugis liberos vi e sinu Sigesarii episcopi abreptos occidit.—Olymp. 26.

Плакидію понудилъ идти пѣшкомъ среди множества плѣнниковъ *). Она шла такъ 12 миль. Спустя семь дней, Сингерихъ былъ убитъ Готтами за то, что хотѣлъ мириться съ Оноріемъ **). Преемникъ его Валліа обращался съ Плакидіею почтительно, но во время голода продалъ ее императору Онорію за 600,000 мѣръ пшеницы. Ему отмѣряли зерно, а Плакидія возвратилась къ своему брату ***), Но и у него не нашла она того спокойствія, котораго жаждала. Любимецъ Онорія, Константій, о которомъ я упомянулъ выше, только что произведенный въ санъ патриція съ правомъ на консульство въ Римской имперіи, безпокоилъ ее, злополучною, своими любезностями. Онъ былъ честный и храбрый полководецъ, но немного площадный. Занятый своею красивою наружностію, онъ любилъ показываться на площадяхъ и гарцовать предъ войсками, изгибаясь направо и налево и выпрямляясь граціозно, дабы всѣ видѣли высокій ростъ его и гибкій станъ ****). Во время придворныхъ торжествъ онъ ходилъ и сидѣлъ со всею важностію сенатора, а по вечерамъ за столомъ забывалъ свой санъ до того, что забавлялся вмѣстѣ съ шутами *****). Однако былъ любимъ. Онорій признавалъ его даже гениемъ, и прочилъ сестрѣ своей въ супруга. Но она не любила его *****)). Начилъ сестрѣ своей въ супруга. Но она не любила его *****)).

*) Ipsam Placidiam in Aduulfi contumeliam pedibus ante equum una cum caeteris captivis ambulare coegit, idque toto illo spatio quod est ab urbe ad duodecim usque lapidem.—Olym. 26.

***) Cum.... ad pacem pronus esset, a suis interfectus est.—Oros. VII. 43.

****) Euplutius Magistrianus ad Valliam, Gothorum praefectum, mittitur qui pacis foedera iniret, Placidiamque reciperet. Ille commode recepit, missaque frumentatione sexcentorum millium, Placidia Euplutio tradita ad Honorium fratrem remittitur.—Olym. 31.

*****) Erat ipse Constantius, quum prodiret, sub tristi vultu ac tetrico, magnis oculis, sublataque cervice, et plano capite, inclinans se omnino in equi, quo vehebatur, collum, et sic huc illuc oblique torquens oculos, ut quod veteri verbo dicitur, tyrannide digna forma omnibus appareret.—Olym. 23.

*****) In coenis tamen atque conviviiis jucundus adeo civilisque fuit, ut etiam cum mimis interdum ad mensam ludentibus contenderit.—Olym. 23.

*****) Has ipsas nuptias quum vehementer detrectaret, effecit, ut ipsius famulis indignaretur Constantius.—Olym. 34.

сталъ новый годъ 417. Въ первый день его Плакидія по обычаю пришла къ Онорію, и какъ только пожелала ему долгаго и счастливаго царствованія, онъ взялъ ее за руку, подвелъ къ Константію, и насильно обручилъ ее съ этимъ патриціемъ *). Она покорилась нехотя, безмолвно; и вторая свадьба ея была пышно отпразднована въ Равеннѣ, спустя ровно три года послѣ первой **). Констанцій отправился въ Галлію въ качествѣ императорскаго намѣстника. А Плакидія не захотѣла болѣе видѣть эту страну, въ которой испытала такъ много горя, и осталась въ Равеннѣ. Въ 418 году она родила дочь Онорію, а въ слѣдующее лѣто сына Валентиніана, и съ сей поры всемѣрно домогалась престолонаслѣдія. Въ 421 году бездѣтный братъ ея Онорій хотя-нехотя, *fratre paene repugnante*, Olym. 34, далъ ей титулъ, Августа, а мужа ея провозгласилъ соправителемъ своимъ, сына же ихъ почтилъ саномъ нобилиссима, который давалъ право на престолонаслѣдіе ***). Оставалось имъ получить подтвержденіе этихъ правъ отъ государя Θεодосія II, царствовавшаго въ Константинополѣ; и они, по обычаю, послали къ нему портретъ Константія, какъ знакъ включенія его въ императорское семейство; но Θεодосій, въ видахъ единства имперіи и власти, не принялъ ни портрета, ни посла ****). Тогда Констанцій озлобился и угрожалъ Θεодосію войною, но среди бранныхъ приготовленій заболѣлъ и умеръ 2 сентября

*) Honorius imperator frater eius (Placidiae) invitam Constantio manu apprehensa tradit. nuptiaeque splendide celebrantur. Olym. 34.

***) Oros. VII, 43. Idat. Chron. 22. Prosper Chron. anno 416. Prosper Tyr. 21.

****) Constantius vero Honorii in augustali imperio collega fit, ab illo quidem ipso, sed paene repugnante, constitutus. Placidia quoque Augusta a fratre et marito dicta est. Olym. 34. Hinc nata filia, quam Honoriam nominarunt, filius item, cui Valentiniano nomen datum, qui, superstite etiamnum Honorio, Nobilissimus dictus, impellente fratrem Placidia.—Ibidem.

*****) Dein ad Theodosium, qui fratre Honorii genitus Orientis partibus Augustus imperabat, de Constantii imperatoris electione nuntius mittitur, minimeque receptus est.—Olym. 34.—Constantii igitur imagines, ut moris erat eorum, qui recens ad imperium promoti erant, missae sunt in Orientem. Sed Theodosius, quum nuncupationem augustam Constantii improbaret. imagines eius non admisit.—Philost. XII, 12.

421 г., бывъ шесть мѣсяцевъ императоромъ по одному имени *). По смерти его Плакидія стала полною хозяйкою во дворцѣ своего брата. У ней были свои совѣтники и почти министры, свои придворные и тѣлохранители изъ Визиготѣевъ, которые вѣрно служили ей, какъ своей прежней царицѣ **). Умная и любочестивая, она вмѣшивалась во всѣ государственныя дѣла. Тѣ, которые знали мрачный характеръ брата ея Онорія и его страсть повелѣвать, не понимали, какъ онъ могъ допустить такое вмѣшательство ея, и начали объяснять это *преступною* любовію ихъ, замѣтивъ, что Онорій часто цѣловалъ ее въ губы ***). Они обманывались. Поведеніе набожной Плакидіи было неукоризненно до послѣднихъ дней ея ****). Она останавливала страстные порывы брата своего съ помощію своей кормилицы Елпидіи и своего интенданта Леонтія. Но за это Онорій вдругъ возненавидѣлъ ее, и сталъ остерегаться ея, какъ будто жизнь его была въ опасности. Онъ даже обвинялъ ее въ заговорѣ съ Готѣами *****). Тогда дворъ, войско и народъ раздѣлился такъ, что сторонники Онорія не разъ дрались съ сторонниками Плакидіи на улицахъ Равенны *****). Въ этой неравной борьбѣ женщина должна была

*) Exstincta in Occidentem ira atque expeditione, quam, quod ad imperii societatem admissus non esset, animo agitabat. Olym. 34. Constantius ob hanc contumeliam sese ad bellum parabat, mors superveniens, vita simul et curis eum liberavit, cum imperasset mensibus sex.—Philost. XII, 12.

**) Adhaerebat etiam ipsi adhuc barbarorum turba, quum ex Aaulfi, quum ex Constantii imperatoris conjugis. Olym. 40.

***) Honorii erga sororem affectio tanta fuit, ex quo Constantius, eius maritus, vita decessit, ut perditae nimis amando et assidue os eius osculando turpis apud multos consuetudinis suspicionem non effugerit.—Olym. 40.

****) Prosper Tyro Chron. Post irreprehensibilem conservationem vitam explevit.

*****) Sed hic amor in tantum brevi vertit odium, allaborantibus Spadusa atque Elpidia, Placidiae nutrice, quibus illa tribuerat plurimum, adjuvante ipsas Leontio illius curatore.—Olym. 40.—Ob suspicionem invitatorum hostium, Placidia, cum insidias fratri tenderet, deprehensa est et Roma in exilium relegata. Cassiodor. chronic.

*****) Ita ut seditiones Ravennae existerent... et vulnera etiam utrinque inferrentur.—Olym. 40.

ослабѣть. Изгнанная изъ дворца и изъ города за мятежь противъ императора, Плакидія сослана была въ Римъ, *Romae in exilium relegata*. Prosper. Tyr. chron. ann. 423, съ дѣтьми ея, Оноріею и Валентиніаномъ. Здѣсь придворные друзья ея счастья разошлись одинъ послѣ другаго; и она осталась одна съ своимъ горемъ. Ей оставалось ѣхать въ Константинополь къ племяннику своему Θεодосію II: но у ней не было денегъ. Тогда сжалился надъ нею правитель Африки графъ Вонифатій, нѣкогда ранившій перваго супруга ея во время осады Марсея, и доставилъ ей деньги и все нужное для путешествія въ Царьградъ *). Она отправилась туда на кораблѣ. Это было въ 422 году. Во время плаванія случилась страшная буря въ Адриатическомъ морѣ, угрожавшая погибелію этой единственной, плодоносной, отрасли Великаго Θεодосія. Плакидія въ самый опасный часъ дала обѣтъ построить церковь во имя св. Іоанна Богослова, ежели молитвами его Богъ спасетъ ее съ дѣтьми. Обѣтъ ея былъ услышанъ на небѣ. Буря утихла. Въ память своего избавленія царица построила въ Раввенѣ церковь, въ которой по нынѣ уцѣлѣла мозаическая картина, представляющая спасеніе ея отъ погибели въ морѣ, съ надписью вверху: *Обѣтъ Плакидіи и дѣтей ея за спасеніе отъ моря ***). Когда же она пріѣхала въ Константинополь, Θεодосій II лишилъ ея всѣхъ титуловъ и знаковъ, кои она носила на западѣ, и кои доказывали ей право на царскій престолъ, и помѣстилъ въ дальней части города, гдѣ она жила уединенно, пока невысвободило ее оттуда одно нечаянное обстоятельство: это—смерть брата ея Онорія, скончавшагося отъ водяной болѣзни 27 августа 423 года ***). Θεодосій II хоть и скрывалъ кончину его, стягивая однако войска свои къ границѣ Италіи, и разсылая повсюду сановниковъ съ порученіемъ дѣйствовать въ

*) Solus Bonifacius fidem illi servans, tum ex Africa, cui praeerat, pecuniam, ut poterat, submitit, tum ad alia ei obsequia praesto erat. Olymp. 40

***) Gruter. Inscr. Roman. p. 1048. Inscriptio I.—Tillemont. Hist. des Empeurs. t. VI p. 622.

****) Olymp. 41. Philost. XII. 13. Idat. Chronic. anno 423.

его пользу, а Плакидію и восточныя области занимая противорѣчными извѣстіями *), но когда римскій сенатъ провозгласилъ императоромъ нѣкоего Іоанна и объявилъ свободу вѣроисповѣданій, и когда въ Африкѣ графъ Вонифатій призналъ императоромъ сына Плакидіи Валентиніана, тогда Θεодосій вдругъ перемѣнилъ образъ дѣйствій, призвалъ къ себѣ эту царицу съ дѣтьми, пожаловалъ имъ всѣ императорскія права, кои однако они имѣли прежде **), и отправилъ ихъ въ Италію, приказавъ генералу Геліону быть при нихъ, пока армія не возведетъ ихъ на престолъ Онорія. Армія сдѣлала свое дѣло. Сенатскій императоръ Іоаннъ былъ обезглавленъ ***), а семилѣтній сынъ Плакидіи въ Римѣ провозглашенъ былъ императоромъ ****). Во время малолѣтства его государствомъ управляла Плакидія *****). Она скончалась въ Римѣ 27 ноября 450 года *****)).

Такова была судьба этой счастливой, злополучной и благополучной царицы. Во дни ея и по смерти ея слава о ней гремѣла во всей тогдашней имперіи, на западѣ и востокѣ, даже въ Виллеемской пещерѣ Рождества Христова, гдѣ подвизался бла-

*) Quamquam Theodosius imperator de morte imperatoris Honorii certior factus esset, eam tamen aliis celavit, aliaque causa commemorata de ea re complures fecellit. Socr. VII. 23.

***) Remissa est Constantinopoli Placidia cum liberis adversus Johannem tyrannum: et illa quidem Augustae nomen, Valentinianus vero Nobilissimi titulum iterato suscepit. Olymp. 46.

*****) Illic dextra manu prius amputata, postea etiam capite truncatus est. Philostorg. XII. 13.

*****) Helion vero Romam invasit, omnibusque eo confluentibus Valentinianum jam septennem veste induit imperatoria. Olymp. 46.

******) Consobrinum suum Theodosius auctum Caesaris dignitate in Occidentis partes direxit, matri ipsius Placidiae rerum administrationem committens, Socr. VII. 24.

******) Placidia quoque post irreprehensibilem conversationem hoc anno vitam explevit. Prosp. Tyr. Cron. ann. 450. Valentiniani imperatoris mater Placidia apud Romam moritur. Idat. Chron. anno 450. Placidia defuncta est V Kalendas decembris. Prosp. Aquitan. Chron. anno 450.

женный Иеронимъ *). Итальянцы долго почитали ее, какъ свя-
тую, молились у гробницы ея, стоявшей въ малой, но краси-
вой, церкви подлѣ монастыря св. Виталія въ Равеннѣ, и не разъ
сподоблялись чудесныхъ исцѣленій.

Итакъ неудивительно, что эта доблестная и неукоризненная,
irregrenhesibilis, царица была извѣстна и на Аѳонѣ. Стоустая
молва о ней разносилась и на этомъ неизбѣжномъ перепутьѣ ея
между Римомъ, Солунемъ и Константинополемъ. Но вотъ вопросъ:
была-ли она въ тамошнемъ Ватопедѣ, и строила ли тутъ церковь
во имя св. великомученика Димитрія Солунскаго? Рѣшаю этотъ
вопросъ неоприцательно.

Правда, древніе лѣтописцы въ своихъ сказаніяхъ о Плаки-
діи не упомянули о поѣздкѣ ея на Аѳонъ. Но они не упомянули
и объ опасностяхъ ея на Адриатическомъ морѣ и о постройкѣ
церкви въ Равеннѣ въ память избавленія ея отъ гибели въ
морской пучинѣ. Однако то и другое было: свидѣтели тому—не
лѣтописи, а она, церковь, и въ ней мозаическая картина съ
именемъ спасенной отъ бури Плакидіи. Такъ была и поѣздка ея
на Аѳонъ; но вѣстникомъ тому служитъ не исторія, а мѣстное
преданіе о богомольѣ сей царицы въ тамошнемъ Ватопедѣ.

Это преданіе, безъ легендарныхъ прикрасъ его, выдержи-
ваетъ напоръ критики.

Оно гласитъ, что Плакидія ѣхала моремъ изъ Рима въ Кон-
стантинополь. А она, дѣйствительно, совершила это путешествіе,
только не въ 382, а въ 422 году. Слѣдовательно, эта часть
сего преданія вѣрна.

Оно гласитъ, что Плакидія, достигнувъ Ватопедской при-
стани, вышла тутъ на берегъ, и молилась въ мѣстномъ храмѣ.
И эта часть преданія *вѣроятна*. Если сія царица, утомленная

*) Nam ego quoque ipse virum quemdam Narbonensem, illustris sub Theodosio
militiæ, etiam religiosum prudentemque et gravem, apud Bethleem oppidum Palesti-
næ, beatissimo Hieronymo presbytero referentem, audivi, se familiarissimum Ataulpho
apud Narbonam fuisse. Oros. VII. 43.

долгимъ плаваніемъ по бурной Адриатикѣ, по Средиземному мо-
рю мимо Пелопонеса, и по Архипелагу мимо Аттики и Негро-
понта, миновала заливы Солунскій и Торонскій, и направилась
въ омывающій Аѳонскіе берега заливъ Сингитскій, дабы Ксер-
ксовымъ тутъ каналомъ переѣхать въ заливъ Стримонскій, что
было обычно, то Ватопедская пристань была у ней на пути въ
Константинополь, и только мимо ея она могла плыть туда меж-
ду Аѳономъ и островами, Тасомъ, Самоѳраки и Имбросомъ; ибо друга-
го прямаго пути по морю тутъ нѣтъ. А ежели Ксерксовъ каналъ тог-
да уже обмелѣлъ, или засоренъ былъ обвалами береговъ его; то
все таки Плакидіи удобнѣе было подплыть къ засоренному устью
сего канала, и на колесницѣ переѣхать плоскій и узенькій, съ
версту, Аѳонскій перешеекъ, и на берегу его, у города Апол-
лоніи, пересѣсть на другую царскую галеру, чѣмъ огибать высо-
чайшій край Аѳона, весьма опасный для кораблей; но и въ та-
комъ случаѣ ей нельзя было миновать Ватопедской пристани.
Эта пристань была въ виду у ней. Въ виду былъ и тотъ храмъ,
который недавно устроилъ родной дядя ея Онорій по случаю
спасенія сына его отъ потопленія въ Эгейской пучинѣ. Помо-
литися же въ этомъ родственномъ храмѣ было свойственно набож-
ной Плакидіи—тѣмъ болѣе, что и сама она сверхъ чаянія была
спасена Богомъ отъ гибели въ Адриатикѣ.

Ватопедцы повѣдали Іоанну Комнину, что Плакидія слыша-
ла въ семъ храмѣ голосъ, который говорилъ ей: *стой, не иди
далее, да не постраждеши*. А мнѣ эти же и другіе Аѳонскіе
монахи молвили, что таинственный голосъ говорилъ ей такъ:
стой, не иди далее: здѣсь нѣтъ мѣста двумъ царицамъ. Эта
молва выражена точнѣе. Въ ней я слышу отголосокъ исторіи,
которая свидѣтельствуется, что Плакидія не была признаваема
царицею въ Константинополѣ, когда она ѣхала изъ Рима въ
эту столицу Востока. А ежели тамъ не признавали ее царицею;
то не удивительно, что и на Аѳонѣ, который тогда зависѣлъ отъ
Константинопольскаго императора, глухо поговаривали о ней:
„здѣсь нѣтъ тебѣ мѣста, какъ царицѣ“. Такой говоръ она могла

слышать тамъ; могла и плакать въ Ватопедскомъ храмѣ, поручая Богу себя и малолѣтнихъ дѣтей своихъ, Онорію и Валентиніана.

Ватопедское преданіе говоритъ, что Плакидія построила *другой* храмъ, ἑτερον ναόν, во имя св. великомученика Димитрія. Другой? Значитъ, отдѣльный отъ того храма, который построили вблизи Ватопеда Солунскіе христіане во имя сего же страстотерца. Это другое святилище есть Димитріевскій Придѣлъ Ватопедскаго Собора. (§ 13).

Оное преданіе, котораго одна часть вѣрна, а другая вѣро-
ятна, едва-ли можетъ быть оспариваемо. Отнимите отъ него легендарныя прикрасы, и сличите его съ житіемъ Плакидіи: вы повѣрите ему, и внесете въ исторію Аѳона простой рассказъ о посѣщеніи Ватопеда Плакидіею и о непризнаніи ея тутъ царицею, но внесете его, *какъ историческую вѣроятность*.

Впрочемъ, судите, какъ хотите. А я, въ ожиданіи открытія какого-нибудь памятника, свидѣтельствующаго о богомольѣ дочери Великаго Θεодосія на Аѳонѣ, начинаю критиковать остальные мѣстныя преданія.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Преданія о постройкѣ монастырей Есфигменова и Ксиропотамскаго царицею Пульхеріею. Сужденіе какъ объ этихъ, такъ и о всѣхъ вообще Аѳонскихъ преданіяхъ.

§ 10. *О постройкѣ Есфигменова монастыря царицею Пульхеріею. 421—452 г.*

Въ Сказаніи Стефана святогорца нѣтъ ни слова объ Есфигменовомъ монастырѣ. Рико, 1698 г. замѣтилъ о немъ только то, что онъ построенъ былъ, повидимому, какимъ-нибудь императоромъ, но монахи не знаютъ его имени; а на стѣнахъ нѣтъ надписи, изъ которой можно было бы узнать время основанія сей обители; дѣянія же ея ничего не говорятъ объ этомъ.

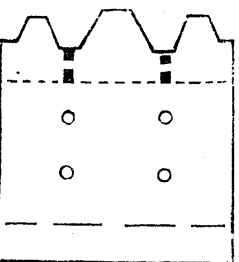
Еще короче замѣтка Гейнекція. Вотъ она. „Есфигмень есть малый монастырь, построенный въ память вознесенія Христова, Здатель его неизвѣстенъ“. Въ книгѣ Іоанна Комнина упомянуто, что этотъ монастырь построенъ благочестивѣйшимъ царемъ Θεодосіемъ Младшимъ и сестрою его царицею, святою дѣвою Пульхеріею⁴⁵). Но откуда занято такое свѣдѣніе, это не показано тутъ. Нашъ Барскій слово въ слово повторилъ Комнина, и ничего не прибавилъ. Ученый игумень Есфигмена Θεодоритъ, настоятельствовавшій въ семь монастырѣ въ 1805 году, составилъ подробное и дѣльное описаніе его, и какъ въ этомъ сочиненіи своемъ (рукоп.), такъ и въ своемъ отчетливомъ описаніи Аѳона (рукоп.) изложилъ свое мнѣніе о здателяхъ Есфигмена такъ, что оно заслуживаетъ вниманіе критика. Обсуживаю это мнѣніе.

Описаніе Есфигмена. Статя о Ктиторахъ.

„О здателяхъ монастыря я ничего не нашелъ въ уцѣлѣвшихъ у насъ хрисовулахъ и въ другихъ разныхъ дѣяніяхъ, и узналъ, какъ достовѣрное, только то, что онъ процвѣталъ за 800 лѣтъ назадъ, и имѣлъ тогда разныя угоды на Аѳонѣ и внѣ его. А въ помянникахъ его записаны царственные здатели, Пульхерія, Θεодосій и Евдокія. Пульхерія изображена въ соборномъ храмѣ близъ купола въ царскомъ одѣяніи съ фіаломъ въ рукахъ и съ надписью (по гречески): Утвержденіе на ты надѣющихся, утверди Господи церковь, юже стяжалъ еси честною твоею кровію. Еще: Сей домъ создали Отецъ, Сынъ и св. Духъ.“ (Смотри дѣянія, приложенныя къ моей Исторіи Есфигмена.)

Описаніе Аѳона. Глава 3.

„Въ разстояніи 500 оргій (менѣе версты) отъ Есфигменова монастыря къ западу, близъ великой горы, *стелющейся къ югу*, на низменной равнинѣ лежатъ развалины обители и красиваго храма, въ которомъ были колонны Коринтскаго ордена съ художно-иссѣченными на нихъ продольными жолобочками и съ базисами и наглавіями древней работы. Когда я (Θεодоритъ) былъ настоятелемъ Есфигмена въ 1805 году, и искалъ мрамора для вновь со-

зданной церкви (въ семь монастырѣ); тогда приказалъ разрыть развалины онаго храма, и нашель тутъ въ землѣ двѣ колонны и четыре капители; а другіе двѣ подобныя имъ колонны ранѣе были перенесены на дворъ монастыря Есфигменова. Оную обитель разрушилъ обвалъ горы, *что стелется къ югу*, и южную стѣну храма ея завалилъ такъ, что не видать и основаній: а восточная стѣна осталась, и высится надъ землею аршинъ на пять, стѣны же сѣверная и западная видны поверхъ земли, на одинъ аршинъ, да ограда двора, складенная изъ камней на извести, отчасти замѣтна, отчасти завалена обваломъ. Тутъ, какъ кажется, было много воды; но самый источникъ замечанъ обваломъ горы; посему-то изъ подъ развалинъ сей обители иногда показываются струи воды, кои текутъ нѣсколько времени, а потомъ прекращаютъ токъ свой. Алтарная стѣна снаружи построена въ видѣ заглавной буквы *дельты*, а не въ видѣ полудуги, какъ строились древніе и строятся новые алтари. Храмъ сей на восточной сторонѣ своей имѣетъ три такіе дельтообразныя, триугольныя выступа и представляется такъ: Подобной формы храмы, *разрушенные*, находятся въ околоткѣ Есфигменова монастыря на равнинной горы, *которая стелется* на востокъ къ Заграфскому; но эти развалины не такъ кажутся, какъ тѣ, кои находятся подлѣ самаго Есфигмена. Однако сомнительно, чтобы въ то время, когда стояла она обитель, имѣющая Коринѣскія колонны, блаженная Пульхерія построила въ 500 оргіяхъ отъ нея другую обитель (нынѣшній Есфигмень) у самаго моря. Это кажется мнѣ невѣроятнымъ, какъ дѣло суетное и неимѣющее цѣли. *Посему я думаю, что нынѣшній Есфигмень построенъ былъ послѣ того, какъ оную обитель разрушилъ обвалъ горы* *). Ибо мѣстность не позволяетъ быть тутъ двумъ

*) Этоже самое сказалъ и Филоеентъ въ своемъ критич. разсужденіи объ Аѳонѣ. „Τὸ δὲ Ἐσφιγμένον μονὴ ὑπήρχεν 1046 ἔτεσι πρὸς δυσμὰς ὡς ἐν μίλιον. ἀπεχωρίσθη μέρος τοῦ τοῦ ἁγίου ἐκείνου τόπου, καὶ ἐκάλυψεν τὸ ἥμισυ τῆς μονῆς καὶ ὅλον τὸ νότιον τεῖχος τοῦ καθεολικού ναοῦ, καὶ οὕτως εἶχεν φαίνεται.“

монастырямъ. Во всѣхъ же кодексахъ, какіе прочтены мною до сей поры, я не видѣлъ никакой записи даже о названіяхъ оныхъ разрушенныхъ обителей (подлѣ Есфигмена и въ околоткѣ его), кои, смотря по развалинамъ, были не малы и не незначительны *).

Итакъ, по мнѣнію Θεодорита, основанному на дѣяніяхъ Есфигменова монастыря и соображенному съ уцѣлѣвшимъ подлѣ него памятникомъ глубокой древности—

а) Царица Пульхерія построила ту самую обитель, которой развалины лежатъ близъ нынѣшняго Есфигмена, и отъ которой уцѣлѣли колонны Коринѣскаго ордена и наружная дельтообразная стѣна алтаря, какъ свидѣтели наилучшаго древняго зодчества и ваянія.

б) Эта обитель существовала за 800 лѣтъ назадъ отъ 1805 года. (Филоеентъ полагалъ, что игумень ея подписался подъ уставомъ Константина Мономаха въ 1046 году.

в) Потомъ обвалъ сосѣдней горы, неизвѣстно когда, разрушилъ ее и завалилъ вмѣстѣ съ обильнымъ родникомъ воды.

г) Послѣ разрушенія ея возникъ нынѣшній Есфигмень въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нея.

д) Посему-то Пульхерія записана въ помянникахъ его, и изображена была на стѣнѣ соборнаго храма близъ купола, (очевидно, какъ строительница оной древней обители, изъ развалинъ которой возникъ нынѣшній Есфигмень).

По сей же причинѣ эта обитель и этотъ Есфигмень всегда признаваемы были за одинъ и тотъ же монастырь; иначе, въ Аѳономонастырскихъ кодексахъ встрѣтилось бы особое названіе сей обители: а оно не встрѣчается, слѣдовательно, она—одно съ Есфигменомъ.

Соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ Θεодорита и отстаиваю оное, обращая вниманіе на важность Есфигменовой мѣстности, припоминая свидѣтельство исторіи о построеніи церквей и монастырей Пульхеріею, и опираясь на вышеописанный памятникъ.

*) Смотри Περιγραφή τοῦ Ἁγίου, ὑπὸ Θεοδορίτου, въ моей Статистикѣ Аѳона.

Приморская ровная мѣстность Есфигмена съ обставляющимъ ее Самарійскимъ холмомъ, и съ удобною якорною стоянкою между этимъ холмомъ и монастыремъ св. Василя, есть наилучшій стратегическій пунктъ на Аѳонѣ. Кто утвердится тутъ, тому не трудно чрезъ смежную Хилантирскую долину взойти на хребетъ сей горы и оттуда дѣйствовать на правую и лѣвую стороны ея. Посему-то въ самое отдаленное отъ насъ время Пеласги поставили тутъ у моря крѣпость Хрисп, (нынѣ монастырь св. Василя), а Персы и Финикіане супротивъ ея построили укрѣпленный городокъ Самарію, подлѣ котораго возникла Хилантирская слобода. Укрѣпленія Хрисійское и Самарійское, коихъ слѣды видны понынѣ, защищали входъ на Аѳонъ съ моря. Тутъ было и Милеонское торжище съ капищемъ бога Иракла яблочнаго. Такая важная мѣстность не могла быть пренебрежена и христіанскими царями Византіи. Я смѣло полагаю, что Самарійская крѣпость, *Παλαιόκαστρον*, въ которой еще во время царя Андроника Младшаго помѣщался скитъ и жилъ извѣстный еретикъ Варлаамъ Калабріецъ, и подлѣ которой намѣревался построить городъ покоритель Аѳона сербскій царь, Стефанъ Душанъ,—эта крѣпость стояла во дни царей Константина Великаго, Θεодосіевъ I и II-го, Пульхеріи и Маркіана, и преемниковъ ихъ. Въ этомъ стратегическомъ и торговомъ мѣстечкѣ явилось и утвердилось христіанство, какъ гласитъ Есфигменское преданіе, при царицѣ Пульхеріи. Это понятно. Куда приходили христіанскіе сановники ея, моряки и купцы, туда приносили съ собою и вѣру свою. Но строили-ли тутъ церковь и монастырь эта благочестивѣйшая царица? Вотъ вопросъ, который требуетъ рѣшенія не гадательнаго. На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Есфигменское преданіе утвердительно. А помощь преданію сему подаютъ исторія. Она гласитъ, что „Пульхерія построила *многія церкви, богадѣльни, страннопріимницы и монастыри*, и всѣмъ имъ поцарски дала достаточное содержаніе“⁴⁶). Это свидѣтельство исторіи склоняетъ меня усматривать въ числѣ многихъ церквей и монастырей Пульхеріи и Аѳоносамарійскую обитель. Такое усмотреніе мое, помножен-

ное онымъ преданіемъ, даетъ въ итогъ одну *вѣроятность*, которая, надѣюсь, обратится въ *археологическую правду*, когда раскопка замѣчательной развалины Есфигменской выявитъ христіанскіе памятники вѣка Пульхеріи, надписи, монеты, хартии. Не дожидаться мнѣ этой правды; и я, пока, довольствуюсь вѣроятностію и съ Θεодоритомъ полагаю, что та церковь съ обителью, которой развалины онъ описалъ такъ вѣрно, построена была Пульхеріею, но—только эта церковь съ кельями, а не нынѣшній Есфигмень. Я нѣсколько разъ осматривалъ это зданіе, и не только осматривалъ, но и выкопалъ внутри его всю внутреннюю землю до фундамента. Этотъ трудъ мой, стоившій 30 имперіаловъ, не вознагражденъ былъ никакимъ открытіемъ. Но осталась во мнѣ увѣренность, что я видѣлъ надревнѣйшую церковь на Аѳонѣ. Въ глубокой древности ея убѣждали меня дельтообразные выступы алтаря на подобіе Ирнинской церкви въ Царградѣ времени Константина Великаго, убѣждали и пустоты внутри стѣнъ въ видѣ горизонтальныхъ трубъ, содержащихъ въ себѣ такъ называемые *голосники*, и Коринскія мраморныя колонны, изъ которыхъ одну, лежащую, я видѣлъ еще на мѣстѣ въ 1846 году *). Эта церковь, во имя Вознесенія Господня, стояла нѣсколько вѣковъ. Когда же весь Аѳонъ запуслъ во время семилѣтней войны сарацинъ съ греками и битвъ ихъ у самыхъ предмѣстій Константинополя, съ 670 года по 676-й, и когда сія гора, по окончаніи этой войны, заселена была монахами по волѣ царя Константина Погоната; тогда какой-то монахъ по прозванію Есфигменосъ воспользовался Вознесенскою церковію Пульхеріи, и около нея возобновилъ обитель, которая по имени его всегда называлась въ аѳонскихъ дѣписаніяхъ обителью Есфигмена, *ἡ μονὴ τοῦ Ἐσφιμένου*. Игуменъ ея, по мнѣнію Филоеи-

*) Знать, Θεодоритъ не воспользовался ею. А въ 1858 году я уже не видалъ ее, и на вопросъ,—гдѣ она и пара ея? —получилъ отвѣтъ: „она и пара ея поддерживаютъ портикъ у входа въ монастырь“. Когда же я возразилъ, что обѣ эти колонны не походятъ на ту, что лежала среди развалинъ, мнѣ отвѣчали: „наши мастера обтесали ихъ, и такимъ образомъ измѣнили ихъ наружность“. Я пожалъ плечами.

та, подписался подъ святогорскимъ уставомъ Константина Мономаха въ 1046 году. Потомъ ее разрушилъ обвалъ сосѣдней горы; а изъ развалинъ ея возникъ новый Есфигмень, сохранившій память о Пульхеріи, но призабывшій, что она строила не его, а смежную церковь, лежащую въ развалинахъ, и во время общеаѳонскихъ преній о сравнительной древности монастырей возмечтавшій о *своей* глубокой старинѣ.

Надѣюсь, что будущія розысканія ученыхъ мужей и археологическихъ обществъ оправдаютъ историческую вѣроятность, о которой шла вся эта рѣчь моя, и приступаю къ зоркому разсмотрѣнію послѣдняго аѳонскаго преданія.

§ 11. *О постройкѣ Ксиропотамскаго монастыря царицею Пульхеріею.*

Это преданіе не оповѣщено ни Стефаномъ святогорцомъ, ни господиномъ Рико, ни Гейнекціемъ, ни Комниномъ. Только одинъ Барскій сказалъ: „Ксиропотамъ созда Пульхерія царица въ честь святыхъ чотыредесяти мученикъ, въ Севастійскомъ озерѣ пострадавшихъ, отъ нихъ же всѣхъ и частицы мощей ему дарова съ пными многими драгоценными вещми“. А сказалъ онъ это потому, что монахи сего монастыря показали ему дары Пульхеріи, какъ-то животворящій крестъ, чашу Пансехри и золотой нагрудникъ съ частицами терноваго вѣнца, губы, трости и хламиды Христовой, и кромѣ сего—хрисовуль царя Романа 6432=924 года, индикта 15, въ которомъ Ксиропотамъ названъ обителію приснославной царицы Пульхеріи дѣвицы. Но этотъ хрисовуль поддѣланъ. Есфигменскій игумень Теодоритъ отвергнулъ его какъ ложь *). Отвергаю его и я, какъ сколокъ съ поздняго хрисовула Іоанна Палеолога. Ибо показанный въ немъ 15-й индиктъ не совпадаетъ съ 924 годомъ, въ который индиктъ былъ 12-й; кромѣ сего въ немъ упомянуто, что Пульхерія построила Ксиропотамскій монастырь во имя св. сорока мучениковъ севастійскихъ, и всѣхъ

*) Стотри дѣянія, приложенныя къ моей исторіи Ксиропотама.

ихъ мощи даровала ему при своей златопечатной грамотѣ (которой нѣтъ тамъ). Но не то говоритъ исторія. Въ пасхальной хроникѣ сказано, что „Пульхерія супруга Маркіана царя, по видѣнію, κατ' ὄρασιον, обрѣла мощи св. 40 мучениковъ севастійскихъ, скрытые въ церкви св. Θирса позади амвона, и что для этихъ мощей создалъ храмъ за троадскими воротами (Цареграда) консуль и префектъ Кесарій“⁴⁷⁾. Итакъ, вотъ гдѣ положены были эти честныя мощи, а не въ Аѳонскомъ Ксиропотамѣ! Можетъ быть, Пульхерія построила *клирикальную обитель* для тамошняго города Стратоники, можетъ быть, частицы оныхъ мощей принесены были туда по возобновленіи сей обители при царѣ Романѣ, (920—945 г.), или Андроникѣ I-мъ; но считать ихъ даромъ Пульхеріи не позволяетъ оная хроника.

Вышепомянутый хрисовуль Романа выставляется, какъ единственная опора преданія о постройкѣ Ксиропотама Пульхеріею. Но такъ какъ эта бумажная опора при первомъ ударѣ исторической критики рвется въ куски и разсыпается; то съ нею рушится и самое преданіе. Что касается до Животворящаго Древа, якобы пожалованнаго Ксиропотаму Пульхеріею; то братія сего монастыря пусть отвѣчаютъ на вопросъ Теодорита: „откуда взялось это Древо, когда Ксиропотамъ разрушенъ былъ Измаильтянами такъ, что и слѣдовъ его не было? *). А я не защитникъ вымысловъ. Мнѣ дорога историческая правда, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятность. Но когда уже и вѣроятное-то не дается; тогда я люблю помолчать, дабы съ новою силою заговорить о томъ, что было, да рассказано неудачно.

§ 12. *Оцѣнка всѣхъ преданій о началѣ христіанства на Аѳонѣ,*

Такъ, всѣ перечисленныя мною аѳонскія преданія оповѣщены весьма неудачно. Въ основѣ ихъ есть правда; но она такъ измѣнена легендарными прикрасами и анахронизмами, что распознать ее можетъ только самая зоркая критика. Напримѣръ: толь-

*) Смотри эти же дѣянія.

ко она распознаетъ, что дѣйствительно Константинъ выслалъ съ Аѳона мірскихъ жителей, но не Великій, а Погонатъ, и что Ватопедская церковь построена братомъ Θεодосіа, а не этимъ государемъ, и проч.

Не отвергаю этихъ преданій, потому что онѣ, безъ легендарныхъ прикрасъ, могутъ подтвердиться открытіями христіанскихъ памятниковъ времени Константина Великаго, Θεодосіа, Аркадія и Пульхеріи, и потому что за нихъ ручается преемство жителей Аѳона, которое, какъ увидимъ, прерывалось лишь на самое короткое время. Не отвергаю ихъ, но въ ожиданіи будущихъ открытій на Аѳонѣ пользуюсь ими, какъ указателями историческихъ вѣроятностей, и какъ отголосками о началѣ христіанства въ аѳонскихъ городахъ. Для меня цѣнна ихъ сущность, а мишурная обложка ихъ дешева такъ, что не беру ее и въ придачу.

II

Судьба Аѳона и воспоминанія о немъ греческихъ, латинскихъ и другихъ писателей, съ 309 года по 676-е лѣто Господне.

§ 13. *О началѣ христіанства въ городахъ: Аполлоніи, Сколосъ, Клеонахъ, Карей и Діонъ при Константинѣ Великомъ, съ 309 года по 337-й.*

Въ четвертомъ вѣкѣ христіанскомъ на Аѳонѣ существовали всѣ города, какіе были прежде. Объ одномъ изъ нихъ, именно объ Аканѳосѣ, упомянулъ писатель этого вѣка Кесарійскій епископъ Евсевій († 340) въ своей хроникѣ, замѣтивъ, что этотъ городъ съ ближайшимъ къ нему городомъ Стагирою построенъ былъ въ первый годъ 31-й олимпіады, т. е. въ 656 году до Рождества Христова. Жители Аѳона были больше идолопоклонники. На имени его, по словамъ тогдашняго лексикографа Исихія, стояла статуя Зевеса, который назывался Аѳонскимъ. А въ городѣ Діонѣ жилъ нѣкто Германъ Иракль идолопоклонникъ, и заживо изготовилъ себѣ и женѣ своей Діонисіи мраморную гробницу въ мѣсяцѣ Панимумѣ (маѣ) 351 года отъ Актійской побѣды Октавія Августа, въ 321 г. по Рождествѣ Христовомъ, начертавъ на ней, что, кто другой дерзнетъ открыть ее, или положить въ ней чужой прахъ, тотъ дастъ пеню таможенѣ въ 2000 фолловъ и городу столько же.

Но кромѣ идолопоклонниковъ, въ четвертомъ вѣкѣ, на Аѳонѣ были и христіане. Существованіе ихъ тутъ доказывается историческою аналогіею, Мшнейною записью и мѣстными преданіями.